

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

ЖРЕЦЫ И ЖЕРТВЫ ХОЛОКОСТА

VI. По заветам Иисуса Навина

*И всё дышащее, что находилось в нём,
в тот день предал он заклятию...*

Книга Иисуса Навина

Когда жрецы Холокоста утверждают, что он уникален, непознаваем и неповторим, что он случился в XX веке и ничего такого в прошлом не было и ничего подобного в грядущем уже не будет, они лукавят, обманывая доверчивых гоев, дабы ошеломить их таинственным величием новой религии, которую умом не понять и в которую можно только верить.

Дело в том, что отцы-основатели государства Израиль не раз заявляли, что “Библия – наш мандат на Палестину” (Хаим Вейцман); “создание государства Израиль – ответ Бога на Холокост” (один из иерусалимских раввинов); “если мы считаем себя народом Библии, мы должны владеть всеми библейскими землями” (Моше Даян); “эта земля нам обещана, и мы имеем право на неё” (Менахем Бегин); “я чистосердечно верю в право еврейского народа на всю землю Израиля” (Ольмерт). Из этих формулировок, сказанных с абсолютной уверенностью, явствует, что создатели Израиля назубок знали Библию и знали, конечно, что само понятие “Холокост” (“всесожжение”) родилось во времена Моисея и его преемника Иисуса Навина. Из великих и зловещих мифов тех времён они черпали фанатическую веру в свою правоту и учились очищать землю обетованную теми же методами, какими очищали её от чуждых племён их легендарные предки.

“В тот же день взял Иисус Макед и поразил его мечом и царя его, и предал заклятию их и всё дышащее, что находилось в нём; никого не оставил, кто бы уцелел. И поступил с царём Македским так же, как поступил с царём Иерихонским.

И пошёл Иисус и все израильтяне с ним из Македа к Ливне и воевал против Ливны. И предал Господь и её в руки Израиля, и царя её, и истребил её Иисус мечом и всё дышащее, что находилось в ней; никого не оставил в ней, кто бы уцелел. И поступил с царём её так же, как поступил с царём Иерихонским.

Из Ливны пошёл Иисус и все израильтяне с ним к Лакхису; и расположился против него станом, и воевал против него. И предал Господь Лакхис в руки Израиля, и взял он его на другой день, и поразил его мечом и всё дышащее, что было в нём, так, как поступил с Ливною.

Продолжение. Начало в № 1,2 за 2010 год.

Тогда пришёл на помощь Лахису Горам, царь Газерский; но Иисус поразило его и народ его мечом так, что никого у него не оставил, кто бы уцелел.

И пошёл Иисус и все израильтяне с ним из Лахиса к Еглану, и расположились подле него станом, и воевали против него. И поразили его мечом, и всё дышащее, что находилось в нём, в тот день предал он заклятию, как поступил с Лахисом. И пошёл Иисус и все израильтяне с ним из Еглана к Хеврону и никого не оставил, кто уцелел бы” (Книга Иисуса Навина; X; 34–36).

Мало того, что Ягве приказывает своему народу “предать “заклятию”, то есть уничтожить поголовно, все соседние народы: “Хеттеев, Гергесеев, Амореев, Хананеев, Ферезеев, Евеев и Ивусеев” (Втор.: 7; 1–3), – нет, он требует большего: “Истребите все места, где народы, которыми вы овладеете, служили богам своим, на высоких горах, и на холмах, и под всяким ветвистым деревом; и разрушите жертвенники их, и сокрушите столбы их, и сожгите огнём рощу их, и разбейте истуканов богов их, и истребите имя их от места того” (Втор.: 12; 2–3).

То есть надо стереть с лица земли все признаки истории и жизни этих уже уничтоженных (“заклятых”) народов, чтобы не то что их капищ в лесах и на холмах, но даже имени их на этих пространствах не осталось! А еврейские историки до сих пор негодуют, что гитлеровцы сжигали книги Гейне, Карла Маркса, Фейхтвангера, Томаса Манна, Гервега, Лассалю. Да это же – детские шалости по сравнению с картиной, нарисованной во Второзаконии!

Но это ещё не всё. Тексты из Первой книги Царств (15, 9) ещё круче. Холокост не ограничивается истреблением людей и материальных свидетельств их жизни: “Теперь иди и порази Амалика и истреби всё, что у него; и не давай пощады ему, но предай смерти от мужа до жены, от отрока до грудного младенца, от вола до овцы, от верблюда до осла” – это приказ Ягве царю Саулу. Конечно, воспитанники Гиммлера и Эйхмана были хорошими исполнителями приказов, но думаю, что уничтожать ни в чём не повинную еврейскую живность в белорусских и польских местечках – овец, волов, телят, свиней, кошек и собак (“всё дышащее”) – они, лишённые библейской поэтической фантазии, всё-таки не додумались.

Впрочем, оно и понятно: одно дело, когда тебе приказывает провести этническую чистку в Киеве или Риге какой-нибудь штурмбаннфюрер, какой-нибудь пошлый эйхман, отличающийся от тебя только другими погонами на эсэсовском мундире (“банальность зла!”), другое, когда приказы исходят от самих жрецов Ягве, а в исключительных случаях и от Него Самого:

“Истребите все народы, которые Господь Бог твой даст тебе”; “ты идёшь, чтобы овладеть народами, которые больше и сильнее тебя... Господь Бог твой идёт перед тобою, как огонь пылающий...”

Попробуй тут не выполни! Ведь у Ягве – око всевидящее, и его приказ “об окончательном решении вопроса” в разборках с амалекитянами, хананеями, гергесеями и прочими народами – это приказ свыше, а не какая-то “филькина грамота”, принятая на берегу Ванзейского озера.

Жрецы Холокоста могут возмутиться и возразить мне: мол, всё, что написано в книге Иисуса Навина – это мифы, это легенды, это много раз перепи-санные, сочинённые и не подтверждённые историей и археологией рассказы, поэтому их нельзя считать Холокостом.

Но тогда – и вся Библия никаким “мандатом на Палестину” быть не может...

Однако если говорить серьёзно, то ничего, к сожалению, не изменилось ни в сознании, ни в действиях жрецов, опричников, инквизиторов и воинов Холокоста за 25 веков – со времён этнических чисток, производимых Иисусом Навином.

Вот как с подробностями описывает уничтожение мирных арабских деревень публицист И. Шамир в книге “Сосна и олива”:

“Во время нападения на деревню Саса в Верхней Галилее 14 февраля 1948 г. пальмахники взорвали шестьдесят домов с мужчинами, женщинами и детьми <...> нечто подобное произошло и на юге Нагорья, в селе Дауамие, где десятки крестьян были убиты, а их тела брошены в водосборную яму 28 октября 1948 года <...> Израильской журналистке Юле Харшефи удалось обнаружить в яме скелеты убитых, в том числе и детские скелеты. Убийство в Дауамие было произведено солдатами 89 батальона под командованием Моше Даяна <...> село было стёрто с лица земли динамитом и бульдозерами, и на его месте возник еврейский посёлок Амацея.

Массовая резня мирных жителей производилась и в сёлах Ильбун, Саф-саф, Джиш и других. “Евреи совершали нацистские зверства, это не даёт мне спать спокойно. Надо это скрыть от внешнего мира, но расследовать”, – заявил министр сельского хозяйства Аарон Зицлинг на заседании правительства 27 июня 1948 года” (стр. 155).

А вот какой сверхчеловеческой яростью, излучающей поэтическое дыхание “Второзакония”, и абсолютно той же лексикой наполнено заявление группы раввинов о том, как надо сегодня относиться к палестинцам:

“Наш религиозный долг такой же, как освящение вина в субботу, устроить им не джихад, но такой Холокост, какой и Гитлеру не снился, перебить всех, включая женщин и младенцев, и домашний скот, до последней кошки и собаки” (газета “Гаарец”, 21 ноября 2000 года).

Особенно повторяют Ветхий завет слова об уничтожении “домашнего скота” и “до последней кошки и собаки”... А ведь эти же раввины искренне верят в то, что Холокост уникален и повторить его невозможно...

Но именно так действовали израильские головорезы в январе 2009 г., устроив побоище палестинцев в Газе, где убили более полутора тысяч человек по рецепту, выработанному в эпоху Иисуса Навина: *“включая женщин и младенцев, и домашний скот, до последней кошки и собаки”*. На этот раз даже европейцы, пославшие своих сыновей в Ирак, в Югославию, в Афганистан, содрогнулись от ужаса.

Во время Интифады 1987–1993 годов израильтяне убили 1 176 палестинцев (20 000 – раненых). Израильские потери составили 33 солдата. Соотношение – один к сорока. В январские дни 2009 г. палестинцы потеряли почти полторы тысячи человек (больше половины – дети, женщины, старики). У израильтян погибло 10 солдат. Соотношение – один к ста пятидесяти. Искусство безнаказанно убивать у потомков Иисуса Навина совершенствуется с каждым годом.

* * *

Что такое “избранный Богом народ?” Если следовать суждению русско-го богослова о. Сергия Булгакова о том, что “народы – суть мысли Божии”, то все народы, каждый по-своему, “избранные”, потому что в сущность каждого из них Создатель вложил свою мысль, одновременно наделив народы, как человеческие личности, свободной волей, дав им возможность развивать Божью мысль в своей истории. Если так понимать “избранность” народа – как религиозное единение с Богом, как ощущение себя “Божьей мыслью”, как благодарность Богу за доверие, то можно понять и восхититься верой христианина, верой мусульманина, верой тибетского монаха, наивной верой язычников в Зевса-Юпитера, в Ра-Амона, в Дажьдбога и в Перуна с Велесом.

Но если народ начинает толковать факт своей избранности как корыстную и почти материальную силу, если он на пряжках своих солдат-оккупантов гравировывает слова “Gott mit uns” (“с нами Бог”), как это делали немцы, то он естественно впадает в один из смертных грехов – в гордыню, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Арабы по-своему тоже избранный народ, поскольку их пророк Мухаммед получил в аравийской пустыне суры Корана не от кого-нибудь, а от самого Аллаха. А этот момент мировой метафизической истории ничуть не слабее того, при котором Моисей записал из уст Ягве скрижали на горе Синай.

А древние египтяне считали себя детьми Солнца, потому что их Верховным Божеством был Бог солнца Ра.

Великая цивилизация Индии не дожила бы до наших дней, если бы Создатель Вселенной не продиктовал племенам Индостана мифологию сотворения мира. А буддийский мир, по-своему очеловечивший целый континент, заселённый многочисленными ветвями древа людского, – что, разве на нём нет печати избранности? А разве в бессмертном афоризме “Москва – Третий Рим” не реализовалась мечта об избранности русского народа? Той избранности, о которой писал в поэме “Ленинградский апокалипсис” гениальный мистик русской поэзии Даниил Андреев, которая помогла нам выстоять в невиданной до селе в человеческой истории войне с фашистской Европой:

*Ночные ветры! Выси чёрные
Над снежным гробом Ленинграда!
Вы — испытанье; в вас — награда;
И зорче ордена храню
Ту ночь, когда шаги упорные
Я слил во тьме Ледовой трассы
С угрюмым шагом русской расы,
До глаз закованной в броню.*

Недаром Даниил Андреев называл русских — сверхнародом. . .

Так что каждый народ может тешить себя надеждой на свою избранность. В этом смысле все народы — как дерзкие дети или как тихие пациенты психиатрической клиники. В ней ведь никому не возбраняется считать себя Христом, или Магометом, или Буддой, но выпускать на волю, во внешний мир таких пациентов можно лишь тогда, когда они излечатся.

Пусть тешатся своей избранностью в стенах лечебницы, в своём родовом гнезде, но выносить её, эту мечту, как оружие в борьбе за место под солнцем, делать её средством борьбы — это значит впадать в расистские соблазны, о чём писал ещё сто с лишним лет назад наш религиозный философ Владимир Соловьёв:

“Как только эти чисто человеческие и натуральные особенности еврейского характера получают перевес над религиозным элементом и подчиняют его себе, так неизбежно этот великий и единственный национальный характер является с теми искажёнными чертами, которыми объясняется всеобщая антипатия к еврейству <...> в этом искажённом виде национальное самочувствие превращается в национальный эгоизм, в безграничное самообожание с презрением и враждой к остальному человечеству; а реализм еврейского духа вырождается в тот исключительно деловой, корыстный и ничего не брезгующий характер, за которым почти совсем скрываются для постороннего, а тем более для предубеждённого взгляда лучшие черты истинного иудейства”.

И это сказано в статье “Еврейство и христианский вопрос” (1884) мыслителем с устойчивой мировой репутацией юдофила, задолго до того, как политический сионизм испортил духовную ауру иудаизма.

... У нас в Калуге бок о бок расположены с давних времён два кладбища: одно — христианское, другое — еврейское. На христианском можно складывать кого угодно: православных, мусульман, буддистов, адвентистов, староверов, атеистов, русских, евреев, армян, татар, чукчей. У меня там семейные могилы, я там часто бываю и отвечаю за свои слова. Для нашего Бога “несть ни эллина, ни иудея”. На еврейском, где я тоже бываю, но реже, — навещаю своего покойного школьного друга Бориса Горелова — лежат под шестиконечными звёздами только евреи. . . “Здесь не увидишь ни одного креста”, — сказал мне кладбищенский сторож. Почему? Может быть, потому, как пишет об иудеях сионистский историк Кастейн, что в глубокой древности, ещё во времена персидского пленения, “они решили, что им предопределено стать особой расой. . . что их образ жизни должен быть совершенно иным, чем у окружающих их народов. Требуемое различие не допускало даже мысли о слиянии их с соседями. Они хотели быть обособленными, абсолютно отличными от всех”.

При жизни, особенно нынешней, конечно, соблюдать такие условия невозможно. Но после смерти — легче лёгкого. Никаких других соседей рядом в твоём посмертном гетто. . . Осуществление мечты левитских жрецов несчастного народа. И даже на гранитном надгробье Бориса Горелова, комсомольца и атеиста, не знавшего ни одного слова из древнееврейского языка, вырезаны клинописные слова на неведомом ему иврите. . .

* * *

Кротких еврейских овец всю их двадцатипятивековую историю пасли жестокие пастухи, именуемые во времена персидского и вавилонского пленения левитами, в эпоху Иисуса Христа фарисеями, в Средние века талмудистами, в XVIII—XIX веках хасидами и хабадниками, в XX веке раввинами и сионистами.

Сплочённость этой касты паразитерна. Она имеет даже физические, зрительные формы. Вспоминаю, как по нашему Центральному Российскому ТВ летом 2007 года показывали свадьбу всего лишь навсего внука нынешнего, если не ошибаюсь, раввина, возглавляющего секту Хабад (“Евреи превыше всего, а Хабад – превыше евреев” – вот девиз этой секты. Э. Ходос. “Выбор между Спасителем и Антихристом”, Харьков, 2005, стр. 5).

На свадьбу собрались раввины со всего мира. Их было несколько сотен. В честь великого праздника они затеяли на одной из площадей Иерусалима ритуальный танец. Все они были в чёрных шляпах, в чёрных плащах до пят, с чёрными бородами. Образовав гигантскую чёрную цепочку-змею, в которой каждый, кто стоял сзади, впивался пальцами обеих холёных рук в плечи того, кто находился впереди, под звуки ритуальной музыки с одинаковым застывшим выражением на бородатых лицах, распевая неведомые мне слова то ли древнего песнопения, то ли молитвы, эта чёрная шеренга начала извиваться, как громадная змея, подчиняющаяся волшебной мелодии. Все раввины – старые и молодые, с одинаковыми улыбками на бородатых лицах, раскачиваясь и выделявая однообразные и слаженные танцевальные па, стали изгибаться вправо-влево с не меньшим искусством, нежели плывущие по сцене танцовщицы из ансамбля “Берёзка”. И так всё слаженно у них получалось – колебания тел, повороты голов в чёрных шляпах, передвижения ног, как будто они всю жизнь выступали вместе на мировых подмостках и всю жизнь исполняли бок о бок этот мистический танец, похожий на сеанс коллективного самогипноза.

А ведь, наверное, в таком составе и в таком количестве они встретились в Иерусалиме впервые. И столько самозабвенного однообразия было в движении этого живого организма, этой гигантской чёрной гусеницы, что я подумал: по красоте и режиссуре, по фантастической синхронности движений с этим ансамблем мирового класса могли бы сравниться только парады элитных частей Третьего рейха в чёрных мундирах, со свастиками или с черепами на рукавах в эпоху 1938–1939 годов, с механическим совершенством марширующих перед застывшей фигурой фюрера, возвышающегося на трибуне с выброшенной в мировое пространство неподвижной дланью.

А ещё я бы мог сравнить сверхчеловеческое слияние отдельных тел в один организм, в одну громадную особь с бесчисленной стаей океанских рыб, внезапно, по неведомому нам приказу принимающей форму шара или объёмного овала... Эти чудесные метаморфозы я не раз видел в замечательных телепрограммах Би-би-си о жизни природы. ... Мистерия, в которой начисто исчезает личная воля каждого исполнителя, но эта потеря возмещается апофеозом высшей воли племени, секты, сословия, стаи. Воли Божественной или сатанинской, горней или животной – это уж пусть каждый из нас понимает, как хочет...

* * *

До сих пор таинственные обряды, зародившиеся в иудейской древности, живы и воздействуют на историю Израиля и на жизнь народа, порой самым причудливым образом.

К середине 90-х годов прошлого века премьер-министр Израиля Ицхак Рабин, в молодости профессиональный террорист, один из организаторов убийства шведского графа Бернадотта (защищавшего от имени ООН права палестинцев), отдавший приказ во время Интифады ломать руки палестинским детям, бросавшим камни в израильских оккупантов, пришёл к выводу, что никаким военным решением палестинцев не сломить: народ победить невозможно. И он, подобно американцам во Вьетнаме и французам в Алжире, пошёл на переговоры с Арафатом, чтобы дать палестинцам автономию и отказать от дальнейшей оккупации Западного берега Иордана.

Через несколько месяцев израильские фундаменталисты провели против Ицхака Рабина обряд “пульса денура” (“удар огнём”), каббалистическую церемонию, “участники которой, – как пишет историк Э. Ходос, – проклинают человека, виновного в преступлении против народа Израиля, и призывают ангелов смерти и разрушения покарать его”.

Через недолгое время “предателя” убил несколькими выстрелами из пистолета молодой израильтянин Игал Амир.

Роже Гароди так пишет об убийстве Рабина: “Игал Амир, убийца Ицхака Рабина, не бродяга, не умалишённый, а чистый продукт сионистского воспитания. Сын раввина, студент-отличник клерикального университета, воспитанник талмудических школ, солдат элитных частей на Голанских высотах, имел в своей библиотеке биографию Баруха Гольдштейна (который несколько месяцев назад убил в Хевроне 27 арабов во время молитвы у гробницы Патриархов). Он мог видеть по официальному израильскому телевидению большой репортаж о группе Эйлл (“воины Израиля”), поклявшейся на могиле основателя политического сионизма Теодора Герцля “уничтожить каждого, кто уступит арабам “землю обетованную” <...> Убийство премьер-министра Рабина (как и тех, кого расстрелял Гольдштейн) укладывается в строгую логику мифологии сионистских фундаменталистов: приказ убить, сказал Игал Амир, “исходил от Бога”, как во времена Иисуса Навина” (“Ле Мوند”, 8 ноября 1995 г.)

А ровно через десять лет обряд “пульса денура” был наложен на премьер-министра Израиля (бывшего организатором истребления нескольких тысяч палестинцев в ливанских лагерях Сабра и Шатила) Ариэля Шарона.

“Старый Бульдозер, — пишет Эдуард Ходос, — впал в немилость у своих бесноватых соплеменников с того момента, когда решил отогнать израильские танки и бульдозеры с небольшой части оккупированных палестинских территорий и вывести оттуда несколько тысяч еврейских поселенцев. Мимходом замечу, что, несмотря на громкие рукопожатия “всего прогрессивного человечества”, мирными инициативами там и не пахло. Всё гораздо прозаичнее: уж очень дорого и хлопотно постоянно держать в круговой обороне несколько малочисленных поселений, с присутствием которых на отнятой у них земле никак не хотели мириться палестинцы” (стр. 50).

Тому, что судьба Шарона, посягнувшего на какие-то сотки “земли обетованной”, завещанная Иеговой народу Израиля, была решена, я нашёл подтверждение в еврейской газете “Форум”, в размышлениях Е. Сатановского, президента Института изучения Ближнего Востока (Москва).

“Шарон сегодня — это уже не тот Шарон, что 20 лет назад. То же самое можно сказать о большинстве политических деятелей. Они стары, они устали. Они запуганы. На сцену должно выйти поколение новых политических деятелей. От этого зависит, останется ли Израиль на карте. В конце концов, страну теряет не армия — страну теряют её лидеры”.

От ритуальных каббалистов — знатоков обряда “пульса денура” к просвещённому российскому востоковеду информация доходит моментально, словно по таинственным сообщающимся сосудам истории.

“Пульса денура”, шаманские танцы раввинов, юноша Игал Амир, словно бы возникший в современном Израиле из времён Иисуса Навина... Чудеса? Конечно. “Правоверный иудей действительно верит в физическую реальность и эффективность перечисленных во Второзаконии и других книгах проклятий. “Еврейская энциклопедия” подтверждает, что эта вера держится до сих пор. В этом отношении евреи сходны с африканскими дикарями, верящими в то, что заклинания могут привести к смерти, и с американскими неграми, дрожащими перед шаманами Вуду” (Дуглас Рид. Спор о Сионе, стр. 38).

“Талмудистская литература обнаруживает веру в действенную силу слов, доходящую до явного суеверия... проклятие, произнесённое учёным раввином, неотвратимо... Иногда проклинали, не произнося ни слова, а лишь фиксируя на жертве свой пристальный взгляд. Неизбежным последствием этого взгляда были скорострельная смерть либо обнищание” (там же, стр. 78).

Вся эта ниточка древнейших обрядов (вплоть до “дела Бейлиса”!) тянется из глубины тёмных времён. Члены вечного синедриона, как высшая жреческая инквизиция, присматривают за рядовыми жрецами, и если те из прагматических соображений чуть-чуть пошатнутся вправо-влево, чуть засомневаются в законности или целесообразности владычества над землёй обетованной, чуть помыслят пойти на компромисс с арабами, усомнившись в союзе Ягве и его народа, то верховная инквизиция тут же выносит им приговор.

Вот почему от этого диктата Осип Мандельштам бежал в христианство, Троцкий в русскую революцию, Маркс — в теоретический западноевропейский коммунизм, Роже Гароди — в ислам, Иосиф Бродский в американскую космополитическую жизнь. Куда угодно, только бы вырваться из-под власти жре-

цов, из “хаоса иудейского”, о котором с удивительной точностью писал выдающийся русский поэт Николай Заболоцкий в стихотвореньи “Бегство в Египет”, где идёт речь о спасении младенца Христа от фарисейской инквизиции:

*Снилось мне, что я младенцем
В тонкой капсуле пелён
Иудейским поселенцем
В край далёкий привезён.*

*Перед Иродовой бандой
Трепетали мы. Но тут
В белом домике с верандой
Обрели себе приют.*

.....
*Но когда пришла идея
Возвратиться нам домой
И простёрла Иудея
Перед нами образ свой —*

*Нищету свою и злобу,
Нетерпимость, рабский страх,
Где ложилась на трущобу
Тень распятого в горах, —*

Вскрикнул я и пробудился...

* * *

В газете “Форум” (№ 219, 2009) я прочитал статью журналиста Симона Джекобсона, которая повергла меня в изумление: оказывается, в правовом государстве Израиль, считающемся оплотом демократии на Ближнем Востоке, не существует Конституции! Вот что пишет об этом юридическом феномене автор статьи “Есть ли будущее у современного сионизма”:

“Израиль так и не принял Конституции (...) многие религиозные евреи настаивают, что единственная подлинная конституция еврейского государства — это Тора и еврейский закон (Алиха).

Они не только не видят необходимости в светской конституции, но даже усматривают в подобном документе угрозу верховенству Торы и соответствующим тысячелетним традициям еврейской жизни на родине и в диаспоре”.

А мы ещё возмущаемся, что иные мусульманские народы сегодня пытаются жить по законам шариата. Да Тора на две тысячи лет старше любого шариата!

Ну это всё равно, как если бы русские жили даже не по “Домострою”, а по “Правде Ярослава Мудрого”... Конечно, там, где Тора, где Второзаконие — там и “пульса денура”, и “уши Амана”. Поневоле вспомнишь даже про кровь христианских младенцев. Словом, “ветхозаветная демократия”...

* * *

*Евреи — люди лихие,
они солдаты плохие,
Иван воюет в окопе,
Абрам ворует в рабкоопе.
Я всё это слышал с детства
и скоро совсем постарею,
но мне никуда не деться
от крика: “евреи! евреи!”
Не воровавший ни разу,*

*не торговавший ни разу,
ношу в себе, словно заразу,
эту особую расу.
Пуля меня миновала,
чтоб говорилось не лживо:
евреев — не убивало,
все воротились живы.*

Меня, начиная с 1959 года, когда я его впервые прочитал, тревожило это стихотворение Бориса Слуцкого. Но всю сложность, глубину и противоречивость его я понял только в нынешней старости.

Борис Слуцкий — честный поэт, находившийся в эпицентре всех социальных и национальных веяний — русских, советских, еврейских, попытался в этом стихотворении внятно выразить всю сложность еврейской судьбы. Он бесстрашно принимает (или, по крайней мере, не отвергает) упреки мировой и русской истории, когда перечисляет действительные пороки еврейства: “они солдаты плохие”, “люди лихие”, “Абрам торгует в рабкоопе”, “евреев не убивало — все воротились живы”... Это — почти набор антисемитских обвинений — анекдотов, наветов, слухов, сплетен... Но честный поэт Слуцкий не возмущается, не кричит в истерике “антисемитизм!”, “черносотенство!”, он со спокойной усталостью как бы соглашается, что нет дыма без огня, что в этих антисемитских упреках есть некая страшная и трагичная для евреев и для него правда: “но мне никуда не деться от крика “евреи! евреи!” Он почти соглашается с тем, что есть для этого тотального осуждения причина, поскольку очень уж непохожи евреи на все другие ветви человечества. “Ношу в себе, словно заразу, эту особую расу” — с мужеством отчаяния признаёт он, что раса — “особая”, но одновременно поэт понимает, что мир несправедлив, обвиняя поголовно в “особом расизме” всех евреев.

Вот он сам. Его душа, распахнутая в стихах. Его судьба, непохожая на судьбу “Абрама”, торгующего во время войны в рабкоопе; непохожая на судьбу евреев, укрывшихся в тылу, на судьбу евреев, которые и “люди лихие”, и “солдаты плохие”, не похожа на судьбу чуть ли не всей “особой расы”. “Не воровавший ни разу, не торговавший ни разу” — но почему мир не хочет видеть этой его единоличной искупительной честности, его офицерской мужественности, его, в конце концов, советского патриотизма? А сколько горестной иронии в последних строчках: “пуля меня миновала” — для чего? — для дальнейшей жизни после войны?! — да нет, всё гораздо сложнее, для того, чтобы “навет” на еврейство был абсолютным, безо всякого исключения:

*чтоб говорилось не лживо:
евреев — не убивало,
все воротились живы!*

Даже его личная удача — остался жив — ложится на антисемитские веса истории, потому что мир убеждён в порочности “особой расы”, “избранного народа”. А это уже разговор с судьбой, вымаливание милости у немилосердного, страшного и карающего Бога евреев Ягве. Моление, похожее на моление Авраама о том, чтобы ревнивый Бог Израиля простил утонувшие в грехах и непослушании ветхозаветные города Содом и Гоморру, поскольку в них всё-таки есть среди тысяч, достойных только “заклятия”, несколько праведников. “И подошёл Авраам и сказал: может быть, есть в этом городе пятьдесят праведников? Неужели Ты погубишь и не пощадишь места сего ради пятидесяти праведников в нём? Не может быть, чтобы ты погубил праведного с нечестивым... Судия всей земли поступит ли неправосудно?” (Бытие, 18).

Поэт возвращает нас к спору, длящемуся сорок веков, начало которому было положено в мошенническом и трогательном молении Авраама, чтобы грозный Ягве помиловал ради горстки праведников целый город грешников.

Свято место пусто не бывает. И недаром Борис Слуцкий, выросший в эпоху воинствующего атеизма, вспомнив отринутую историей ветхозаветного Бога, поставил на его место другой, более понятный образ:

*Мы все ходили под Богом.
У Бога под самым боком.*

*Он жил не в небесной дали,
его иногда видали
живого. На мавзолее.
Он был умнее и злее
Того — иного, другого
по имени Иегова,
которого он низринул.
Извёл, пережѣг на уголь¹,
а после из бездны вынул
и дал ему стол и угол.*

Этому земному Богу Слуцкого свойственны и “всевидящее око”, и “всепроницающий взгляд” — всё забытое, ветхозаветное и вдруг всплывшее из доисторической вавилонской бездны.

Интересно, что Сталин в стихах русских поэтов той же эпохи (Исаковский, Твардовский и др.) изображён как понятный людям земной человек, как суровый, но справедливый отец, как народная надежда, в крайнем случае как полководец и вождь и даже злодей или диктатор. Но никогда — как Бог. Такое случалось лишь с поэтами, вышедшими из “хаоса иудейского”, из еврейской среды, сохранившей в своей генетической памяти все ветхозаветные мифы об отношениях их предков с грозным племенным божеством Ягве.

VII. От Розенберга до Валленберга

На деле существуют только два национализма: немецкий и еврейский.

Томас Манн

В поистине эпохальном романе Томаса Манна “Доктор Фаустус” есть одна сцена, всегда привлекавшая моё внимание. В маленьком городке — в сердце Германии — встречаются два человека, а если точнее, то два символа: гениальный и полубезумный немец — композитор Адриан Леверкюн и парижский импресарио, в прошлом бедный польский еврей Саул Фительберг. Действие происходит на рубеже 20–30-х годов. Импресарио уговаривает композитора совершить гастроль по Франции, соблазняет Парижем, но наталкивается на каменное молчание Леверкюна, в котором угадывается одно его желание — поскорее избавиться от назойливого собеседника и додумать, почувствовать, довершить нечто медленное, глубокое, тяжёлое, что никак ещё не может вылиться у него на бумагу нотами, в которых, как он подозревает, может быть, будет выражена разгадка тёмной немецкой сущности. Еврей Фительберг — не дурак. Он сразу понял, что ни в какую Францию этот угрюмый немец не поедет, и после нескольких жеманных и остроумных попыток разговорить Леверкюна гражданин Франции, уже уходя, почти стоя в дверях, произносит замечательный монолог:

“Можем ли мы, евреи — народ пророков и первосвященников, не ощущать притягательной силы немецкого духа? Как родственны между собой судьбы немецкого и еврейского народов (...) Сейчас любят говорить об эпохе национализма. Но на деле существуют только два национализма: немецкий и еврейский; все другие — детская игра. К примеру, исконно французский дух Анатоля Франса просто светское жеманство по сравнению с немецким одиночеством и еврейским высокомерием избранныости” (Собр. соч., т. 5, стр. 528. М., 1960 г.). В ответ на возражение о том, что это суждение принадлежит герою повествования, а не автору, я приведу суждение о немецком народе из письма Томаса Манна, написанного летом 1934 года Эрнсту Бертраму:

“Несчастный, несчастный народ! Я давно уже прошу мировой дух освободить его от политики, распустить его и рассеять по новому миру, подобно евреям, с которыми этот народ связан таким сходным трагизмом”.

¹ “Всесожжение”, “Холокост” — по отношению к Ягве! — Ст. К.

Крайне любопытна также мысль Томаса Манна, высказанная в письме Оскару Шмитту (январь 1948 г.), то есть уже после разгрома ненавистного ему гитлеровского Третьего рейха.

“В том, что Вы рассказываете мне об “иконоборческом” движении, о покаянном антиромантизме, есть, однако, своя плачевная сторона.

Низкопоклонством перед неудачей отдаёт это отвращение к ценностям, которые, не проиграв Германия войны, оздоравлили бы мир <...> теперь ополчаются на Лютера, Фридриха, Бисмарка, Ницше, Вагнера, а то и на Гёте. Хотят отречься, что ли, от своей истории, от своей немецкости? Есть много правды и много доброй воли, но есть и что-то жалкое в этом самобичевании и отрицании немецкого величия, самого, впрочем, каверзного величия на свете”.

В двадцатом веке, к несчастью для человечества, на Европейском материке произошли столкновения двух национализмов, нет, много страшнее – двух расизмов, немецкого и еврейского. Оба были беременны внутренними тёмными революциями. “Сумрачный германский гений” жаждал всемирного господства, и не просто посредством грубой силы, но силы, обогащённой культом сверхчеловека, освящённой религией расы. Ему было мало оставаться просто “тевтонским Римом”, он возжелал стать арийским Иерусалимом, возведённым на фундаменте национальной почвы и чистой крови.

В то же время гений “избранного народа”, уставший за два тысячелетия от скитаний по задворкам мировой истории, от тяжести венца “горнего Иерусалима”, устремился к тому, чтобы стать “как все” и обрести своё национальное государство с признаками своего еврейского Рима, с родимыми пятнами несправедливости и бесчеловечности, которыми украшена история всех государств мира. Обе большие гордыни созрели для того, чтобы ради этих безумных целей принести в жертву своих сыновей и дочерей, как приносили их некогда на древнегерманские жертвенники жрецы эпохи Нибелунгов и левиты иудейского племени, требовавшие от имени Иеговы у своего стада первенцев для “всесождения”.

То, что я сейчас пишу, сегодняшние жрецы Холокоста воспримут с понятным мне возмущением, но, слава Богу, в мировой истории были и ещё есть честные еврейские мыслители. Одной из них была Ханна Арендт, жившая в Германии, точно и трезво объяснявшая драму еврейского самосознания на рубеже XIX–XX веков:

“Евреи трансформировались в социальную группу с характерными психологическими свойствами и реакциями. Иудаизм выродился в еврейство, мировоззрение – в набор психологических черт. Именно в процессе секуляризации родился вполне реальный еврейский шовинизм. Представление об избранности евреев превратилось... в представление, что евреи будто бы соль земли. С этого момента старая религиозная концепция избранности перестаёт быть сущностью иудаизма и становится сущностью еврейства” (Арендт Х. Антисемитизм. “Синтаксис”, Париж, 1989, № 28).

Но что могла сделать в 30-е годы Ханна Арендт и ещё несколько трезвых еврейских умов, когда в правящем слое жрецов будущего Холокоста уже калькулировалась жестокая, прагматическая и предельно бесчеловечная цена, которую придётся заплатить овцам стада Израилева за создание сионистского государства!

Бен-Гурион: *“Задача сиониста – не спасение “остатка Израиля”, который находится в Европе, а спасение земли Израильской для еврейского народа” (Том Сегев. “Седьмой миллион”, изд. Дианы Леви, Париж, 1993 г., с. 539).*

“Если мы можем спасти 10 000 человек из 50 000, которые могут внести вклад в создание страны и дело национального возрождения, или миллион евреев, которые станут для нас обузой или в лучшем случае мёртвым грузом, мы должны ограничиться спасением 10 000, которые могут быть спасены, не смотря на проклятия и призывы миллиона, который не в счёт” (из меморандума “Комитета спасения”. Том Сегев. “Седьмой миллион”).

“Сионизм прежде всего... Могут сказать, что я антисемит, что я не хочу спасать диаспору... Пусть говорят, что хотят” (И. Грюнбаум. “Дни разрушения”).

Что ж. Сказано честно. На войне как на войне. Сколько раз великие полководцы разных народов жертвовали частью своих солдат (“остатком Израиля”), отрядами “пушечного мяса”, лишь бы отвлечь внимание противника

и нанести важнейший стратегический удар на главном направлении. В конце концов, и палестинцы многому научились у евреев. “Сухие ветви” у палестинцев – это их смертники, их шахиды, у которых, в отличие от евреев, за душой не просто библейские мифы и не оккупированная территория, а своя земля.

В 30-е годы XX века между сионистами и нацистами разыгрался, как продолжение разговора Фиттельберга с Леверкюном, бурный роман. Они ревновали друг друга в борьбе за мировое господство, объяснялись в любви, душили друг друга в объятиях, торговались за место под солнцем, обменивались своими идеологически-расистскими наработками.

Из меморандума “Сионистской федерации Германии”, посланного 21 июля 1933 г. руководству нацистской партии:

“С основанием нового государства, которое провозгласило расовый принцип, мы хотим приспособить наше сообщество к этим новым структурам... <...> Мы не хотим недооценивать эти основные принципы, потому что мы тоже против смешанных браков и за сохранение чистоты еврейства” (Л. Давидович. “Читатель Холокоста”, стр. 155).

Словом, сионистская верхушка послала фашистской власти сигнал (не то чтобы “мы с тобою одной крови – ты и я”, но чуть-чуть другой): “мы, как и вы, исповедуем чистоту расы и потому предлагаем вам плодотворное сотрудничество”. В сущности, это было предложение об идеологическом разделении мира под властью двух избранных народов. Сионистский миф побратался на время с арийским мифом. Мартин Бубер – философ, сопротивлявшийся перерождению религиозного сионизма в государственно-политический, горевал по поводу такого перерождения:

“Большинство евреев предпочло учиться у Гитлера, а не у нас. Гитлер показал, что история идёт не дорогой духа, а дорогой силы, и если народ достаточно силён, он может безнаказанно убивать” (“Джуйт ньюслеттер”, 2.6.1958).

Иуда Магнес, президент Еврейского университета в Иерусалиме, называл отказ от традиции пророков, от их духовной праведности и увлечение еврейства расистскими соблазнами фашизма – “помешательством” и “языческим иудаизмом”. “Если вы хвастаетесь своей избранностью вместо того, чтобы жить по воле Божьей, – говорил Мартин Бубер, обращаясь к евреям, – это преступление, это “превращение народа в идола” (М. Бубер. Израиль и мир. Нью-Йорк, 1948, с. 263).

“Горькая ирония судьбы пожелала, чтобы те же самые биологические и расистские тезисы, которые пропагандировались нацистами и вдохновляли позорные нюрнбергские законы, стали основой для определения принадлежности к иудейству в государстве Израиль” (Хаим Коэн, член Верховного суда Израиля. Источник: Дж. Бади. “Основные законы государства Израиль”. Нью-Йорк, 1960, стр. 156).

Во время Нюрнбергского процесса один из главных идеологов арийского расизма Юлиус Штрейхер на допросе относительно подготовки и принятия нюрнбергских законов заявил:

“Я писал статьи такого плана и всегда повторял, что мы должны брать еврейскую расу или еврейский народ за образец. Я всегда повторял в своих статьях, что евреев нужно считать образцом для других рас, потому что они дали расовый закон, закон Моисея, который гласит: “Если вы идёте в чужую страну, вы не должны брать себе чужеземных жён”. Это, господа, очень важно для оценки нюрнбергских законов. За образец были взяты еврейские законы. Когда несколько веков спустя еврейский законодатель Ездра установил, что, несмотря на это, многие евреи женились на нееврейках, эти браки были расторгнуты. Это было началом еврейства, которое, благодаря этим расовым законам, устояло на протяжении веков, в то время как все другие расы и цивилизации погибли”. (Источник: “Процесс главных военных преступников в международном военном трибунале. Нюрнберг, 14 ноября 1945 г. – 1 окт. 1946 г. Официальный текст. Дебаты 26 апреля 1946 г., том XII, с. 321.)

Из документа, озаглавленного “Основные принципы национальной военной организации в Палестине, касающиеся решения еврейского вопроса в Европе и активного участия НВО в войне на стороне Германии”: “При условии, что германским правительством будут признаны национальные чаяния за свободу Израиля, национальная военная организация готова принять участие в войне на стороне Германии” (Д. Израэли. “Палестинская проблема в германской Палестине”. Ун-т Бар Илон. Рамот Ган, Израиль, 1974).

Более того, как пишет Исраэль Шамир, “сионистское движение легально действовало в Третьем рейхе, и даже была отчеканена медаль, несущая шестиконечную звезду Давида с одной стороны и свастику – с другой” (“НС” № 10, 2003 г., стр. 239).

Подумать только: две сакральных эмблемы, два священных символа были объединены в одно целое, как близнецы!

А Лев Коцин, один из религиозных авторитетов русскоязычной Америки, приблизительно в то же время писал в статье “Евреи в нацистской армии”:

“Еврейские офицеры – ветераны Первой мировой войны – обратились с патетическим письмом к Гитлеру, давая клятву верности Германии и прося его только об одном: “Да позволь нам умереть за Германию в бою!” Вот он, еврей, с Железным крестом на груди, который предан Германии больше, чем собственному отцу или народу” (газета “Форум”, 3–9/8 2007, Нью-Йорк).

Эта статья Льва Коцина помогла мне разгадать одну загадку. Когда я писал свою книгу “Шляхта и мы”, то пользовался исследованием австрийского историка Стефана Карнера “Архипелаг Гупви”, в котором была любопытная таблица численности военнопленных гитлеровской интернациональной армии, которая содержалась в лагерях Советского Союза. Численность эта отражала национальный состав военнопленных рейха. Из таблицы я узнал, сколько у нас было в плену, помимо немецких, венгерских, румынских, австрийских и итальянских фашистов – также польских, французских, чешских и прочих. Где-то в конце первого десятка значилось, что в нашем плену было 10 тысяч еврейских фашистов, солдат и офицеров гитлеровского рейха... Прочитав статью в “Форуме”, я понял наконец-то, откуда они взялись...

Подтверждением тому ещё одно свидетельство следующего рода:

“По данным израильской прессы, в составе вермахта против СССР воевали 150 тыс. евреев, точнее т. н. “мишлинге”, т. е. лиц, рождённых в смешанных германо-еврейских браках. И, надо признать, вояки они были отменные – среди них было 23 полковника, 5 генерал-майоров вермахта, 8 генерал-лейтенантов, 2 полных генерала, один генерал-фельдмаршал (Э. Мильх). Сотни солдат и офицеров из числа “мишлинге” были задействованы в полной мере – “образцом голубоглазого арийца” долгое время был Вернер Голдберг, отец которого был еврей. Воевали против СССР не только “мишлинге”, но и даже чисто верующие иудеи, в частности, в составе осаждённой Ленинград финской армии таких насчитывалось свыше 300 чел., у которых была даже походная синагога! Двое из них – майор Лео Скурник и унтер-офицер Соломон Класс – были представлены финским и немецким командованием к Железному кресту I класса. И это в то время, как их же соплеменники умирали от голода в блокадном Ленинграде...” (А. Мартиросян. “Трагедия 22 июня: блицкриг или измена”, М., 2007, стр. 565).

Будущий премьер Ицхак Шамир был арестован британскими службами в декабре 1941 года “за терроризм и сотрудничество с нацистским врагом”. А вот как характеризовал Бегина один из основателей государства Израиль Бен-Гурион: “Бегин, несомненно, человек гитлеровского типа. Это расист, желающий уничтожить всех арабов во имя мечты об объединении Израиля, готовый использовать все средства для достижения этой святой цели...”; “Его можно обвинять в расизме, но тогда надо было бы устроить процесс над всем сионистским движением” (цит. по: Хабер Э. “Менахем Бегин, человек и легенда”. Делле Бук, Нью-Йорк, 1979 г., стр. 385).

Вот что рассказано израильским историком и журналистом Исраэлем Шамиром о главном подвиге Бегина, после которого началось паническое бегство палестинских крестьян-феллахов со своих земель.

“Почему опустела Лифта? В километре от неё, по другую сторону Яффской дороги, находится причина бегства жителей Лифты: груды серых камней, поросших кактусами, – руины села Дир-Яссин¹. Их прекрасно видно из окна, где живёт бывший премьер-министр и бывший глава правой организации еврейских боевиков “Эцель” Менахем Бегин. Ночью с 9-го на 10 апреля 1948 года отряды “Эцель” и “Лехи” (главой “Лехи” был другой израильский премьер-министр Ицхак Шамир) напали на это палестинское село, которое славилось хорошими отношениями с еврейскими соседями. То, что произошло в Дир-Яссине, Давид Бен-Гурион, первый премьер-министр Израиля, назвал “кровавой бойней”. 254 палестинцев, мужчин, женщин и детей, были убиты в Дир-Яссине.

¹ В разных источниках это село называется Дир-Яссин или Деир-Ясин. – С. К.

Я помню, с каким недоверием я читал в Советском Союзе рассказы о Дир-Яссине: “Советская пропаганда”, — думал я и отметал описания резни как вымысел. Понадобилось много лет, много книг, много документов, чтобы я понял: нет, Дир-Яссин не был выдуман Политбюро или Арафатом.

Подробнейшие описания того, что произошло в Дир-Яссине, можно найти в нескольких вышедших в Израиле и за рубежом книгах, в частности, в произраильской, но довольно объективной книге Доминика Лапьера и Ларри Коллинза “О, Иерусалим!”.

В ней приводят слова командира Хаганы Давида Шалтиэля, который называл Дир-Яссин “одним из немногих мест, куда не ступала нога вооружённых бандитов извне”.

Когда боевикам “Эцеля” и “Лехи” удалось овладеть селом, они приступили к хладнокровному убийству. Коллинз и Лапьер пишут:

“Молодожены, вместе с 33 соседями, были среди первых жертв. Их выстроили у стены и расстреляли... 12-летняя Фехими Зейдан, одна из выживших, рассказала: “Евреи поставили всю нашу семью к стенке и стали нас расстреливать. Я была ранена в бок, но большинство нас, детей, спаслись, потому что мы прятались за спинами родителей. Пули попали моей четырёхлетней сестре Капри в голову, моей восьмилетней сестре Сами в щёку, моему брату Мохамеду, семи лет — в грудь. Но все остальные были убиты”. Халим Эл заявила, что видела, как “человек загнал пулю в шею моей сестре Сальхие, которая была на девятом месяце. Затем он распорол ей живот ножом”... “Нападавшие убивали, грабили, насиловали. Они рвали уши, чтобы легче было снять серьги”.

Первым на место резни прибыл представитель Международного Красного Креста Жак де Ренье, швейцарец. Он писал в своём дневнике:

“Я увидел людей, врывавшихся в дома, выскакивавших из домов, они были с ружьями, автоматами, длинными арабскими ятаганами. Они казались полоумными. Я видел красивую девушку с окровавленным кинжалом в руках. Я слышал крики. “Мы подчищаем очаги сопротивления”, — сказал мне мой приятель, немецкий еврей. Я вспомнил эсэсовцев в Афинах. К своему ужасу, я увидел молодую женщину, всадившую нож в старика и старуху, прибившихся к порогу своей хижины... Повсюду лежали трупы. Они “подчищали” ружьями и гранатами, а завершили работу ножами, это было видно всем... Я нашёл труп женщины на восьмом месяце беременности, убитой выстрелом в живот — в упор”.

Затем 25 пленных палестинцев были посажены на грузовик, на котором победители триумфально проехали по еврейскому базару Махане Иегуда, затем пленные были отвезены в каменоломню Гиват Шауль и расстреляны.

Прибывший на место заместитель командира Хаганы Ешурун Шиф отметил: “Террористы “Эцель” и “Лехи” предпочли убить всё живое”. Он видел, как тела жертв были отнесены в каменоломню, облиты бензином и подожжены. Элиягу Ариэли, прибывший в Дир-Яссин с отрядом “Гадны”, еврейский пионер, заметил: “Все убийтые, за немногими исключениями, были старики, женщины и дети... никто не погиб с оружием в руках”. Затем дома села были взорваны. В настоящее время большая часть руин находится за колючей проволокой больницы для душевнобольных.

Британская полиция — дело было ещё в дни британского мандата — провела расследование резни и установила, кроме прочего: “Нет сомнения, что нападавшие евреи совершали зверства сексуального характера. Многие школьницы были изнасилованы, а затем зарезаны... многие младенцы убиты. Мочки ушей у некоторых женщин был порваны — чтобы сорвать серьги”. Собственно говоря, и нападавшие отрицали только факт изнасилования и использования холодного оружия, но не сам факт массового убийства безоружных крестьян.

В изданном по-русски “сокращённом переводе” книги “О, Иерусалим!” вышеприведённых мест нет — вместо этого там содержится отсебятина переводчиков и редакторов официального израильского издательства “Алия”, издающего книги для просвещения русских евреев. Символично, что издательская деятельность, как и вся деятельность во благо русского еврейства, координировалась до недавнего времени д-ром Лапидотом из Тель-Авивского университета, назначенным Менахемом Бегинотом на пост главы Русского отдела МИДа. В 1948 году д-р Лапидот был командиром отряда “Эцеля”,

бравшего Дир-Яссин. Он лично брал село и ликвидировал очаги сопротивления – до последнего арабского младенца, до последней серьги в ухе арабской женщины. При Бегине он стал зам. премьер-министра и организовывал призывы к Советскому Союзу – во имя человечности отпустить отказников”.

Спустя 27 лет после этого побоища, после того, как подобным же образом были стёрты с лица земли сотни палестинских селений и число беженцев, ушедших от смерти в Ливан, в Газу, на Запад, перевалило за полтора миллиона, собралась Генеральная Ассамблея ООН, чтобы осудить Израиль за идеологию расизма и за геноцид палестинского народа. И на заседании ООН представитель Израиля г-н Херцог сказал: “Трудно найти другое многонациональное государство в мире, где две нации (евреи и арабы. – **Ст. К.**) живут вместе в такой гармонии и где достоинство и права человека соблюдаются перед законом, как это имеет место в Израиле”. До такого цинизма не мог бы додуматься сам доктор Геббельс.

И здесь надо отдать должное советскому диссиденту еврейского происхождения, который признавал “первородный грех” сионистского государства Израиль: “Идеи и мифы сионизма возникли в сознании тех, кто хотел сопротивляться погромам. Спасать своих близких от Освенцима и Бабьего яра. . .

Но все горестные и страшные воспоминания, разумеется, не могут оправдать сегодня тех израильских ультра, которые изгоняют и унижают палестинских арабов. Ссылки на гибель миллионов европейских евреев, на преследования в Польше, на дискриминацию в СССР, на бессмысленный терроризм арабских фанатиков не оправдывают трагедии палестинских беженцев, массовых репрессий в районах, оккупированных израильскими войсками” (Лев Копелев. “О правде и терпимости”, Нью-Йорк, 1982, стр. 56).

С такими мыслями Копелеву вполне можно было бы выступать под аплодисменты на тегеранской “ахмадинежадовской” конференции. . .

* * *

Из книги Роже Гароди “Основополагающие мифы израильской политики”:
“Вице-президент сионистской организации Рудольф Кастнер договаривался с Эйхманом о том, чтобы тот помог ему организовать отъезд 1648 евреев, по образованию, профессиям, социальному положению, возрасту и т. д. необходимых для строительства в будущем государства Израиль. А за эту услугу Кастнер обещал Эйхману внушить четыремстам тысячам ненужных для будущего Израиля венгерским евреям, что их отправка из Венгрии в эшелонах на Восток – это простое переселение на другие территории, и отнюдь не в Освенцим. Кроме того, Кастнер спас от сурового приговора своими свидетельствами на Нюрнбергском процессе одного из своих нацистских партнёров по венгерским делам штандартенфюрера Курта Бехера. Но когда во время суда над Эйхманом все эти факты всплыли на поверхность, всё равно Кастнеру не было предъявлено никакого обвинения, потому что, как писала израильская газета “Едиот Ахронот” от 23.6.1955 г.: “Если отдать Кастнера под суд, то всё правительство рискует быть полностью дискредитированным в глазах нации в результате того, что может открыться на этом процессе”. “Единственным способом избежать того, что Кастнер заговорит и разразится скандал, – писал Роже Гароди, – было исчезновение Кастнера. И он в самом деле внезапно умер”.

Однако швейцарский историк Юрген Граф пишет о том, что глава еврейской общины Будапешта доктор Кастнер “эмигрировал в Израиль и был застрелен фанатиком-сионистом, который обвинил его в соучастии в Холокосте” (стр. 401).

Как говорит русская пословица, “для кого война, а для кого мать родна”. . . Судьбы европейского еврейства в эпоху Холокоста разделились: один драгоценный ручей потёк в Швейцарию, другой в Америку, третий в Палестину, а самый многоводный и протонародный – в Освенцим, в Дахау, в Трешлинку. Вот что писал украинский историк Эдуард Ходос о “чудесном” спасении в начале Второй мировой войны вождя ультраортодоксальной еврейской секты Хладоб любавичского ребе Шнейерсона:

“Вплоть до осени 1939 года шестой любавичский ребе находился на территории Польши, откуда был тайно переправлен за океан после того, как чле-

ны хабадской общины США обратились с просьбой о помощи лично к госсекретарю Корделлу Хэллу. В результате договорённости между госдепартаментом США и главой германской военной разведки (абвера) адмиралом Канарисом Йосеф Ицхак Шнеерсон покинул Варшаву, беспрепятственно пересёк территорию рейха и оказался в нейтральной Голландии, а затем в Соединённых Штатах. Операцией по вывозу шестого любавичского ребе из оккупированной Польши руководил подполковник абвера, еврей по отцу Эрнст Блох” (Э. Ходос. “Между Спасителем и Антихристом”, Харьков, 2005, стр. 4).

Похожей была судьба венгерского магната Манфреда Вайса и его семьи, к спасению которых от депортации в Освенцим был причастен сам Эйхман.

Из протоколов допроса Эйхмана:

“Манфред Вайс был самым крупным промышленником Венгрии, в каком-то смысле – “венгерский Крупп”. Бехер занял там, кажется, место директора <...> семью Манфреда Вайса он... наверное, они улетели самолётом в Швейцарию. Сам Гиммлер занимался всем этим делом с компанией... “Манфред Вайс”.

“По договору, заключённому в середине мая, наследники Вайса уступали хозяйственным предприятиям СС более половины акционерного капитала. За это 48 членов семьи были доставлены двумя немецкими самолётами в Португалию” (“Протоколы Эйхмана”. М., “Текст”, 2002, стр. 202).

И ещё несколько отрывков из той же книги, в которой речь идёт о спасении влиятельной и богатой верхушки венгерских евреев.

Рассказывает Лесс (следователь, допрашивавший Эйхмана. – **Ст. К.**): “Вот документ обвинения 11-го Нюрнбергского процесса военных преступников. Он <...> касается отправки 318 венгерских евреев в Швейцарию”. Эйхман: “Да, речь идёт о нелегальном переходе” (далее упоминается штандартенфюрер Бехер. – **Ст. К.**). “Он, собственно, договаривался с д-ром Кастнером, но я эту переброску в Швейцарию не проводил. Я должен был только сказать пограничной службе, чтобы им не чинили препятствий, и позаботиться о прикрытии с венгерской стороны” (стр. 203).

Следователь Лесс напоминает Эйхману, что ему было указано из берлинского МИДа спасти “госпожу Глюк, еврейку и сестру нью-йоркского обербургомистра Ла Гардиа. Просим позаботиться, чтобы в связи с высоким положением брата госпожи Глюк её не отправили в общем порядке в Восточные области <...> чтобы при необходимости её можно было использовать в политических целях” (стр. 215).

В ответ на это Эйхман вспоминает:

“Так точно, это была весьма высокопоставленная еврейка. Наверное, был приказ не меньше чем от самого Гиммлера, чтобы её придержали. И, возможно, её куда-нибудь отправили, точно так же, как Леона Блюма... или брата Леона Блюма” (стр. 215).

Леон Блюм впоследствии стал премьер-министром послевоенной Франции. Точно так же сионисты по сговору с нацистами спасали от Освенцима многочисленный клан Ротшильдов, точно так же в результате торга гиммлеровских эмиссаров с организацией Джойнт, базирующейся в Швейцарии, “несколько сот венгерских евреев, отобранных Кастнером <...> прибыли через концентрационный лагерь Берген-Бельзен в Швейцарию, чтобы оттуда уехать в Палестину. Однако причитающаяся за это немцам оплата в валюте, о чём была договорённость, не поступила” (“Протоколы Эйхмана”, стр. 233).

Но одновременно со “льготами”, которые выдавали нацисты с сионистами известным, привилегированным и нужным евреям, они согласованно и чётко формировали и отправляли в концлагеря на тяжкие работы, а порой и сразу в “Баби яры” целые потоки беспородных, бессловесных, обманутых “овец израилевых”, и при этом каждая из преступных сторон преследовала свои цели.

Из стенограммы допроса Эйхмана:

“Кастнера интересовали только молодые евреи из восточных областей Венгрии. Эти группы надо было пропустить нелегально и без ведома венгерского правительства через румынскую границу... Однажды д-р Кастнер пришёл с чемоданом иностранной валюты” (стр. 194).

“Речь шла о миллионе евреев, которых надо было доставить в какой-то пункт и освободить в обмен на десять тысяч грузовиков, пригодных к зимней эксплуатации, с обещанием не использовать их на Западном фронте (на Восточном – против наступающих советских войск, спасающих ещё оставшихся

в живых польских, венгерских, румынских евреев, использовать было можно! – **Ст. К.**) <...> в это время Гиммлер сказал, что он хотел бы... переговорить с Хаимом Вейцманом” (стр. 190).

Из показаний Кастнера: “Эйхман продолжал: “мне нужны 65–70 тысяч венгерских евреев, пока что на германской границе приняты только 38000. Мне нужно ещё не меньше 20 000 евреев-землекопов на Юго-Восточный вал. В рейхе копают рвы уже немецкие дети и старики!” (стр. 232).

Из допроса Эйхмана: “50 тысяч работоспособных евреев мужского пола должны быть доставлены в программе “Егер” <...> для замены русских военнопленных, необходимых для других работ”... “Я должен добавить, что это было время, когда людей отправляли в Палестину в обмен на промышленные товары” (стр. 226).

Вот так сионисты поставляли рейху “промышленные товары”, нужные для борьбы с наступающей Советской Армией.

Эйхман: “Если меня послали в Венгрию <...> с целью депортации, то я не говорил еврейским функционерам (Кастнеру и другим сионистам. – **Ст. К.**), что её не будет. Я никогда не врал еврейским функционерам”... Этими словами Эйхман пытается доказать израильскому суду, что еврейские функционеры и он, гестаповский чиновник, делали одно общее дело и что они виноваты не менее его:

“За время многолетнего общения, которое у меня было с еврейскими функционерами, не найдётся ни одного, кто мог бы меня упрекнуть, что я ему лгал... По приказу Гиммлера эшелоны шли все до одного в Освенцим” (стр. 187, 190).

И весьма любопытны страницы из книги протоколов допроса Эйхмана, где всплывает имя Рауля Валленберга.

Израильский следователь Авнер Лесс цитирует страницы из воспоминаний доктора Кастнера, в которых последний рассказывает о своей торговле с Эйхманом еврейскими жизнями:

“Затем он (Эйхман. – **Ст. К.**) перешёл к “злоупотреблению” иностранными паспортами. Он-де привлечёт к ответственности за это свинство швейцарского консула Лютца и Рауля Валленберга, представителя шведского Красного Креста. Но у него есть предложение: он забудет про обладание таких паспортов, если наша сторона добровольно представит ему 20 000 евреев-землекопов. А иначе ему придётся отправлять всех евреев – без исключения – пешком!” (стр. 232).

Конечно, чтобы получить от Эйхмана разрешение на переброску нужных евреев с паспортами в спасительные нейтральные страны Европы, сионистские функционеры отправляли десятки тысяч других “евреев-землекопов” на работы в Освенцим или на Восточные рубежи для возведения укреплений.

Так что прав Вадим Кожин, пронизательно заметивший в статье “Война и евреи” некоторую особенность явления, именуемого Холокостом: “Евреи в отличие от цыган дали миру множество всем известных людей самых разных профессий и занятий, и поэтому еврейская трагедия находится в центре внимания. Но уместно напомнить и другое: кроме педагога и писателя Януша Корчака (Генрика Гольдшмита) затруднительно назвать каких-либо широко известных до войны евреев, погибших в Третьем рейхе, что также противоречит представлению о тотальной гибели” (стр. 318).

Да и Януш Корчак стал широко известен лишь после войны.

А сколько было в еврейских гетто и в многочисленных мелких лагерях смерти всяческих маленьких кастнеров, руководителей еврейских советов-юденратов, раввинов, через которых нацисты управляли евреями!

В Вильнюсском гетто главой юденрата был сионист Якоб Генс, который по требованию немцев регулярно формировал партии евреев в Понары, где их расстреливали. В 2005-м или в 2006 г. по Центральному ТВ об этом юденрате шёл фильм. Телевизионный диктор зачитал кредо жреца Холокоста, отправившего на расстрел около 50 тысяч евреев: “Я взял на себя всю ответственность, и мне не страшно... Вы должны знать, что это был мой долг – обогреть руки в крови своего народа”. Якоб Генс, пользуясь своей властью, жестоко подавлял у молодых евреев всякие попытки сопротивления. Но, как он ни служил нацистам, последние всё-таки расстреляли его. И поделом. А почему киевские евреи так покорно пошли к Бабьему яру? Потому что немцы арестовали 9 киевских раввинов, приказали им обратиться к евреям Киева

и убедить их, чтобы те собрались с вещами для переезда в безопасное место. Обманутых людей привели к Бабьему яру. Об этом публицисту Ю. Мухину написал диссидент и правозащитник М. Кукобака, чьё письмо напечатано в книге Мухина “Евреям о расизме” (стр. 45–46).

А в Винницком гетто доктор Гершман выдал немцам 250 брайловских евреев, которые бежали к нему из зоны немецкой оккупации. (В самой Виннице хозяйничали румыны.) Когда советские войска освободили Винницу, Гершман, естественно, был расстрелян, как коллаборационист. В 1943 году варшавские евреи перед восстанием сами истребили свою сионистскую верхушку, сотрудничавшую с нацистами. Но это редчайший случай в истории Холокоста.

Как утверждает И. Трунк в книге “Юденрат”, *“по расчётам Фрейдигера половина евреев (из шести миллионов погибших в Холокосте. – Ст. К.) могла бы спастись, если бы они не следовали инструкциям еврейских советов”* (изд. Мак-Миллан, Н.-Й., 1972). И на фоне этой деловой сионистско-нацистской эпопеи, по сравнению с которой пресловутый пакт Молотова–Риббентропа выглядит ничтожной тактической сделкой, я ещё раз хочу благодарным словом вспомнить подругу немецкого философа Хайдеггера Ханну Арендт, перед портретом которой я долго стоял в одном из залов древнего Марбургского университета, за её честную книгу “Банальность зла”, написанную во время процесса Эйхмана в Иерусалиме:

“Еврейский совет и мудрецы были оповещены Эйхманом и его людьми, сколько евреев необходимо, чтобы заполнить каждый состав, и они делали списки отправляемых... Те, которые пытались скрыться или убежать, ловились специальной еврейской полицией. Как Эйхман видел, никто не протестовал и не отказывался сотрудничать”.

“Без еврейской помощи в администрации и полицейской работе получился бы полный хаос и невероятно крайнее истощение немецкой силы <...> ... еврейское самоуправление доходило даже до того, что сам палач был еврей” ... “Навряд ли найдётся какая-нибудь еврейская семья, из которой хотя бы один член не состоял в фашистской партии” (Eichman in Jerusalem. A report on banality of evil, by Hanna Arendt. The Viking Pressing. NY, USA, 1969).

Недаром же Норман Финкельштейн, вспомнив о Ханне Арендт, написал в примечании к книге “Индустрия Холокоста”: *“Было ли чистой случайностью, что еврейские организации большинства распинали Ханну Арендт за то, что она рассказала о сотрудничестве еврейских элит с нацистами? Когда Ицхак Цукерман, руководитель восстания в Варшавском гетто, вспомнил о коварной роли полиции Еврейского совета, он заметил: “Не было порядочных полицейских, потому что порядочные люди снимали форму и становились просто евреями”* (стр. 135).

... Мне вспоминается скандальная выставка известного белорусского художника Михаила Савицкого, солдата Великой Отечественной, попавшего в плен и чудом выжившего в немецком концлагере. Выставка была открыта в Минске при жизни Машерова в 70-х годах прошлого века. На ней выставлялась картина, которую я видел своими глазами. Немецкий концлагерь, несколько трупов, могильная яма. С одной стороны ямы толстомордый эсэсовец с автоматом наперевес, с другой – еврей средних лет, в полосатой лагерной робе, со звездой Давида на груди, с лопатой в руках спихивает трупы в яму. Оба улыбаются, глядя друг на друга – и толстомордый немец, и еврей, так называемый капо. Помощник палачей.

Народ на выставку повалил валом. Минские евреи заволновались, засыпали первого секретаря компартии Белоруссии Машерова телеграммами о кощунственной, оскорбляющей память жертв Холокоста картине. Пришлось Машерову прийти на выставку... Он долго и молча рассматривал картину, встретился с Савицким, попросил его замазать звезду Давида на робе еврея, но картина на выставке осталась. И якобы Машеров, один из руководителей партизанского движения в Белоруссии, уходя с выставки, сказал:

– Пусть висит. История разберётся...

* * *

Я бы не стал чересчур старательно разыскивать документы и аргументы для этой главы, если бы не попалось мне на глаза одно место из книги Коха и Поляна “Отрицание отрицания”. Возражая всем неугодным ему историкам –

исследователям (именно исследователям, а не отрицателям!) Холокоста, Павел Полян с несколько глумливой иронией пишет:

“На бытовом уровне элементы отрицания присутствовали в советской “антисионистской” литературе, в годы холодной войны обвинявшей “сионистов” в том, что они “наживались” на страданиях еврейских жертв и преувеличивали их численность, а главное – находились в прямом сговоре с немцами”... (кавычки Поляна. – Ст. К.).

Пусть теперь наши читатели сами решат, “находились” или “не находились”...

И ещё, обращаясь к началу – к пророческой страничке из романа “Доктор Фаустус”. Иронию истории, или её способность превращать трагедию в фарс, я увидел в одной маленькой заметке из бюллетеня “Холокост” (№ 2, 2006 год).

“Потомок Германа Геринга Маттиас Геринг носит ермолку, а на шее подвеску с звездой Давида. Его растили в презрении к евреям, но он принял их веру”; “Катрин Гиммлер вышла замуж за израильянина”.

Ну вот, через шестьдесят лет после Хрустальной ночи и ванзейской конференции два расизма наконец-то снова заключили друг друга в объятия, свастика и звезда Давида обнялись снова.

VIII. Пастухи и овцы

Я не люблю ни филосемитов, ни антисемитов. Я хотел бы, чтобы люди обращались со мной, как с обычным человеком.

Норман Финкельштейн

Скажу сразу, я не собираюсь оспаривать, пересматривать, уточнять сакральное число шесть миллионов. Потому что с первоисточниками я не работал и демографических серьёзных знаний у меня нет. Потому что, на мой взгляд, уже невозможно подсчитать точно людские потери времён Холокоста. Потому что два враждующих лагеря – жрецы Холокоста и его исследователи – никогда не придут ни к какому соглашению: слишком много фактических, идеологических и политических противоречий имеется в каждом из лагерей. Да и внутри каждого лагеря тоже. У тех и у других в активе есть неопровержимые или почти неопровержимые доказательства своей правоты. А это трагедия. Потому что трагедия рождается только тогда, когда правда в той или иной степени, но есть у каждой из сторон. Я просто буду оперировать числами, фактами, аргументами, мыслями из арсенала обеих сторон и постараюсь, насколько это возможно, быть беспристрастным. Но при всём при том понимаю, что абсурдных ситуаций не избежать. Вот одна из них.

На Нюрнбергском процессе было заявлено, что в Освенциме уничтожено 4 миллиона заключённых, в большинстве своём евреев. Однако после ряда ревизионистских исследований положение изменилось. Из бельгийской газеты “Ле Суар”, 19–20 окт. 1991 г., г. Брюссель:

“Освенцимский международный комитет намеревался в ноябре 1990 года заменить мемориальную доску в Освенциме, на которой была указана цифра “4 миллиона мёртвых” другой с упоминанием “более миллиона мёртвых” . Д-р Морис Гольдштейн, председатель Комитета, этому воспротивился”.

По этому поводу Роже Гароди саркастически замечает: *“В действительности д-р Гольдштейн ни в коей мере не оспаривал необходимость замены старой доски, но он хотел, чтобы на новой доске не было цифр, потому что знал, что, вероятно, вскоре станет необходимым новый пересмотр нынешней цифры в сторону снижения”.*

Благодаря содействию Международного комитета при государственном музее в Освенциме <...> текст был изменён в направлении менее удалённом от истины:

“Пусть это место, где нацисты убили полтора миллиона мужчин, женщин и детей, в большинстве своём евреев из разных стран Европы, всегда будет для человечества криком отчаяния и предостережения”.

Впрочем, фразу “в большинстве своём евреев” каждый из историков горазд читать по-своему. Она может означать и один миллион четыреста тысяч,

и восемьсот тысяч, на чём настаивает в своей “классической книге” (определение П. Поляна) английский историк Д. Рейтлингер, отнюдь не принадлежащий к лагерю ревизионистов.

Да и сам Полян понимает, что сразу же после войны победители, мягко говоря, “погорячились” с четырьмя миллионами освенцимских жертв:

“Этот сырой и уже тогда недостоверный результат в 4 миллиона человек был санкционирован идеологически и сразу же принят за истину в последней инстанции, а со временем и закреплён везде, где только можно, в экспозиции музея, в путеводителях по нему и даже в памятных гранитных досках при входе”.

Поляну (отдаю ему должное) не хочется прослыть некомпетентным историком, но есть вещи, которые сильнее его желания: всё равно окончательная цифра погибших во время Холокоста евреев для него останется священными шестью миллионами. Пару исчезнувших освенцимских миллионов он из неё ни за что не вычтет.

В книге “Отрицание отрицания, или битва под Аушвицем”, составленной А. Кохом и П. Поляном, эти 6 млн стоят незыблемо. Авторы книги восполнили выпавшие из чудесной цифры 2,5 миллиона новым пересчётом других потерь по всем европейским странам в других концлагерях, привели бесконечное количество таблиц из статей множества европейских историков, “осовременили” многие демографические графики, разобраться в которых очень и очень непросто. Так что резервы для ремонта и постоянной реставрации волшебной колонны в честь шести миллионов у жрецов Холокоста всегда найдутся, и потому выиграть у них этот спор невозможно, да и, честно говоря, не нужно. Пусть верят. Шесть миллионов – это не предмет знания, а предмет веры, как вся религия Холокоста.

В 70-е годы образ холокостного сфинкса втемяшивался в мировое сознание благодаря телефильмам. Знаменитый “Холокост” вышел на американские телеэкраны в 1978 году. “Его посмотрели 49% телезрителей страны, – восторгается Полян и добавляет: – Слабой попыткой противостоять этому мощному медиаудару стал выход в середине лета 1978 года (...) отрицательных этюдов Расинь”. Полян понимает, что “противостоять мощному медиаудару”, “его колоссальному успеху” каким-то брошюрам смешно и бессмысленно. Но зачем же историку так неумно торжествовать? Разве мы не помним, как у нас в начале перестройки, когда страна рушилась в пропасть, половина населения сходилась с ума от “Санты-Барбары” и проливала слёзы над сериалом “Богатые тоже плачут”?

А вот ещё примеры подобного арифметического абсурда, случившегося безо всяких провокаций со стороны ревизионистов.

В книге “Уничтожение европейских евреев” историк Рауль Хилберг (классик!) определит освенцимские еврейские потери в 1 (один) миллион человек. Но его, казалось бы, единомышленница Люси Давидович в книге “Война против евреев” настаивает на том, что в Освенциме было загублено два миллиона евреев. С Майданеком вообще получился у этих авторов полный абсурд: Хилберг считает, что там погибло 50 тысяч евреев, а Давидович, что один миллион 380 тысяч – в 28 раз больше! Ну какая тут может быть объективная истина, кому верить?

А какая невразумительная картина открывается, когда ты пытаешься узнать, сколько же евреев нашли свою гибель в знаменитом киевском Бабьем яру. В 1961 году в Израиле на процессе Эйхмана, который готовился с особенной тщательностью, было обнародовано число погибших, казалось бы, с точностью до одного человека: 33 771 еврей. Однако в 1978 году в документе “Проблемы современного сионизма”, принятом Всемирной сионистской организацией, было заявлено, что “только в Бабьем яру в один день было расстреляно 100 тысяч евреев”. Видимо, это троекратное увеличение было ответом на изыскания ревизионистов, активно поработавших к 1978 году. Прошло ещё четверть века, и в бюллетене “Холокост” (фонд А. Гербер) чёрным по белому (№ 2, 2006 г.) отпечатано: “по оценкам историков, до осени 1943 года (то есть не в один день. – Ст. К.) в Бабьем яру погибло 50 000 евреев” (может быть, постеснялись повторить 100 тысяч?). Установить же, какая из трёх цифр (33 771, 100 000 или 50 000) вошла в итоговое священное число 6 млн, не представляется никакой возможности. А между прочим, все три цифры взяты с одной “антиревизионистской” стороны. Абсурд? А вспомним талантливый

фильм Алена Ренэ “Ночь и туман”. Именно в нём говорится о восьми (8!) миллионах погибших в Освенциме! Ну почему бы жрецам не воспользоваться этой кинолегендой! Да с ней, как с восьмичасовым сериалом “Холокост”, никакие отрицатели со своими книжонками, изданными в несколько тысяч экземпляров, не справились бы ни за что! Ну как можно справиться с впечатлением, произведённым на несколько десятков, а то и сотен миллионов телезрителей! Нет, не хотят жрецы трогать священное число. Если будет меньше шести – кощунство, если больше – профанация. Один из американских отрицателей Холокоста Рассель Граната на московской конференции по Холокосту (январь 2002 г.) заявил, что не понимает, “почему исследования ревизионистов вызывают такое неприятие со стороны евреев. Ведь эти исследования являются для них настоящим подарком, ибо теперь выясняется, что миллионы евреев не были убиты, они живы. Но вместо благодарности за свои открытия ревизионисты слышат проклятия и угрозы” (стр. 97). П. Полян в книге “Отрицание отрицания” назвал эту мысль историка “подлинным свидетельством прожжённости (...) как антисемита”.

Словом, сомневаться в шести миллионах нельзя. Здесь, как в зоне: шаг вправо, шаг влево считается побегом, то есть оскорблением Холокоста. Рискну сказать, что любое нарушение пропорций Холокоста для жрецов всё равно, что для нас, православных христиан, изменения в сюжете “Троицы” Рублёва. “Троицу” нельзя уменьшить и поменять на “пару ангелов” или увеличить до “квартета”. И то и другое будет кощунством. Так нельзя разрушать и шестиугольную святыню.

Но если кто-то из поклонников (слово-то дурацкое, может быть – защитников, апологетов, апостолов?) Холокоста возьмётся утверждать (или докажет), что было стёрто с лица земли в наше страшное время 12 миллионов еврейских душ, ей-Богу, я спорить не буду. Хочется вам 12 – верьте в 12. Кстати, число тоже сакральное.

Но то же самое я могу сказать скептикам, ревизионистам, отрицателям, противникам и т. д. Холокоста: ну, победили вы в споре об Освенциме, опустили количество жертв с четырёх до полутора миллионов. Что, вам евреи спасибо сказали? То-то и оно! Удовольствуйтесь скромным результатом – нет, вам всё мало! Вам хочется доказать, что и газовых камер не было, и что мыло из евреев не варили, и что приговор в Нюрнберге гитлеровской верхушке был вынесен в еврейский судный день не случайно... А по-женски практичная ревизионистка Ханна Арендт вообще не допускает мысли о том, чтобы фанатики прагматического порядка (орднунга) немцы могли возводить вавилонскую башню Холокоста в самых невыгодных для себя обстоятельствах:

“Нацисты делали что-то прямо-таки бесполезное, если не вредное для себя, когда в разгар войны, несмотря на нехватку стройматериалов и проката, воздвигали огромные и дорогостоящие фабрики уничтожения и организовывали транспортировку миллионов людей. Налицо противоречие между этим образом действий и требованиями войны, что придаёт всему этому предпринятию сумасшедший и химерический характер” (“Тоталитарная система”. Париж, 1972, стр. 182).

Конечно, ревизионистам я сочувствую больше, но лишь по одной причине... Они сегодня такие же гонимые, как евреи при нюрнбергских законах в Третьем рейхе... А я всегда буду на стороне тех, кто готов к самопожертвованию, кто садится в тюрьму за свои убеждения, уходит в изгнание, а не на стороне тех, кто зарабатывает деньги на чужой беде, на незаживающей памяти.

Первое поколение “ревизионистов” – бывший узник Бухенвальда французский историк Поль Расинье, английский историк Ричард Харвуд, профессор английской литературы Остин Эпп и многие другие издавали свои работы в 50–60-е годы, когда угрозы репрессий за свободную мысль ещё не существовало. Но, осознав опасность такой интеллектуальной свободы, жрецы Холокоста добились того, что пересматривать историю Холокоста в 80–90-е годы стало небезопасно. Показательна судьба канадского историка Эрнста Зюнделя. Его судили несколько раз: сначала 15 месяцев тюрьмы, потом ещё 9. После отбывания этих сроков он покинул Канаду, его объявили в розыск в 1992 году. В 2003 году американцы выдали его в Канаду, канадцы переправили историка в Германию, где его судили сначала в 2005-м, а потом в 2006 году и “за разжигание межнациональной розни” приговорили к 5 годам тюрьмы. А заодно посадили и его защитницу С. Штольц на 3,5 года. После этого – пошло-поехало!

Швейцарца Юргена Графа в 1998 году посадили в тюрьму на 15 месяцев, его издатель Фёрстер получил год тюрьмы.

Немец Гермар Рудольф в 1995 году был посажен в тюрьму на 14 месяцев. После этого он бежал в Англию, потом в США, откуда его выдали в Германию. Судили в 2006 году. Приговор – 30 месяцев тюрьмы. Британец – историк Ирвинг был приговорён в Австрии к трём годам тюрьмы. (Полян раздражённо комментирует: *“Могли дать и десять”*.)

Француз Робер Форисон получил 3 месяца тюрьмы и заплатил громадный штраф. Всех их судят не за поступки, а за обнародование своих исторических изысканий, за естественный для человека поиск свободной мысли. Ну что тут сказать? Жалко Францию, которая всегда в истории человечества славилась защитой своих суверенных прав на свободу мысли, на самостоятельную политику, особенно при де Голле. А в начале 90-х годов, приняв (первой в Европе) так называемый закон Гессо, предусматривающий судебные преследования за любое сомнение в масштабах Холокоста, за любое уточнение, за любое невыгодное для его жрецов изучение, за отношение к нему, как к рукотворному историческому событию, а не фундаменталистскому религиозному мифу, она, прекрасная Франция, “Марианна”, склонилась перед произраильским и проамериканским лобби.

А поскольку Франция всегда была в Европе законодательницей мод, вслед за ней подобные законы были приняты в Австрии, Бельгии, Италии, Литве, Венгрии, Румынии, Люксембурге, Словакии, Чехии, Швейцарии, Польше... То есть в тех странах, откуда больше всего эшелонов с евреями было отправлено в Освенцим. Комплекс вины? Сроки за подобные интеллектуальные преступления кое-где предусмотрены до 10 лет. Слава Богу, нашей Думе хватило ума не пойти в хвосте законодательной элиты этих некогда коричневых государств Европы. Она отвергла попытку внести наказание в России за свободное обсуждение загадок Холокоста. Но устоит ли на этих трезвых позициях следующая Дума? Поляки пытаются, как всегда, пойти дальше всех. Журнал “Новая Польша”, к сожалению, до сих пор бесплатно распространяющийся в России, устами своего главного редактора Ежи Помяновского (отнюдь не поляка) ратует за то, чтобы российское законодательство сурово наказывало не только тех россиян, кто копается в истории Холокоста, но и тех, кто сомневается и не верит, что польских офицеров в Катynie расстрелял советский НКВД. Так что им только дай палец – откусят руку. Норман Финкельштейн видит нагнетание юридической психопатии в следующей причине: *“Как иначе оправдать в обществе, которое уже по уши сыто Холокостом, что создаются всё новые музеи, выходят всё новые книги, учебные планы, фильмы, программы, как не призраком отрицания Холокоста?”* Всё возвращается на круги своя. Только репрессиями можно попытаться остановить врождённое свойство человека мыслить, его “свободу воли”, его поиск истины или элементарной правды, только новой 58-й статьёй мирового “холокостного масштаба” или абсурдной системой, разработанной “новой инквизицией”.

Когда я спросил своего давнего знакомого, автора нашего журнала и гражданина Израиля, верит ли он этой цифре в 6 миллионов и есть ли в Израиле серьёзные историки, не согласные с подсчётами идеологов Холокоста, то мой гость помрачнел: – У нас в демократическом Израиле сомневаться или излагать подобные сомнения – опасно. Засудят, затравят... так что приходится помалкивать...

Сажать сейчас за поиски исторической правды – это всё равно, что сажать по ленинскому указу о борьбе с антисемитизмом 1918 года или по 58-й статье советского Уголовного кодекса 30-х годов, статье, по которой давали срок за намерение, за слова, за высказанное несогласие с официальным взглядом на события, за чувства, в конце концов. Евреи это, казалось бы, должны понимать, как никто.

Российская книга о Холокосте, составленная Поляном и Кохом, заканчивается такой фразой последнего, после его утверждения, что евреев сгинуло в Холокосте 5,9 миллиона:

“Можно ли оценить точнее? Боюсь, что на сегодняшний день нельзя. Хотя, может быть, я и не прав – ведь исследования продолжаются”.

С Кохом согласен его соавтор Полян: *“Историю Холокоста, опираясь на новые материалы, можно и нужно бесконечно изучать и уточнять”*. Но думаю, что это в какой-то степени фарисейские заявления: как можно *“продолжать*

исследования”, “изучать и уточнять”, если за это сажают, штрафуют, лишают работы, изгоняют?! Да и какие исследования могут быть “окончательными” без изучения первоисточников, находящихся в архивах. А знаете, что происходит с архивом Холокоста? Прочитайте, пожалуйста, заметку из газеты “Известия” от 24 сентября 2007 года.

“В 1955 году союзники без участия представителя СССР заключили Боннское соглашение по архиву жертв Холокоста, где имеется статья о недопустимости нанесения ущерба заинтересованным лицам и их семьям. При согласии международной комиссии из представителей 11 стран ФРГ закрыла архив в Бад-Аролсене, оставив доступ только родственникам. Призывы открыть архив для историков разбиваются о тезис о “защите частной жизни”: могут всплыть данные о сотрудничестве с нацистами, спровоцированных преступлениях самих жертв, фактах сексуального насилия. Но есть мнение, что Германия лишь пытается избежать новой волны исков от жертв Холокоста. И подтверждается старая истина о том, что на войне первой страдает правда, а политики могут спекулировать на жуткой теме”.

Как сказано в книге А. Коха и П. Поляна, “26 января 2007 года Генеральная ассамблея ООН по инициативе США одобрила резолюцию, осуждающую отрицание Холокоста или преуменьшение его масштабов”.

Что же получается? Тогда надо судить членов международного Освенцимского комитета, которые сменили мемориальную доску при входе в Освенцим и “преуменьшили масштабы” освенцимского Холокоста с четырёх до полутора миллионов жертв? А как быть с русским историком В. В. Кожинным, о действиях которого П. Полян высказывается так: “В очерке “Война и евреи” (в составе книги “Россия. Век XX. 1939–1964”) Кожин, как ему кажется, поймал двух еврейских исследователей (Л. Полякова и И. Вуля), а также других еврейских статистиков за руку на передёргивании цифр. Первые, как полагает Кожин, дважды посчитали два миллиона жертв, вторые завысили естественный прирост своего населения для того, чтобы “скрыть” подлинные масштабы еврейской эмиграции из Европы в Америку и Палестину. Иными словами – типично еврейская приписка в два миллиона душ”.

И больше ни одного возражения, ни тени опровержения не находит Полян в ответ на исторически корректные и точные заключения Кожинова. “Как ему кажется” – сквозь зубы произнесено, а в итоге – видит око, да зуб неймёт. Да, действительно, в одной из первых книг о Холокосте “Евреи и Третий рейх”, изданной аж в 1955 г. Леоном Поляковым и Иосифом Вулем и тщательно изученной Кожинным, утверждалось, что 2 миллиона евреев из 6 погибших были жителями восточноевропейских стран. Но когда Кожинов провёл весьма несложные демографические подсчёты, опираясь только на цифры Вуля и Полякова, то выяснилось, что их, живших до 1939–40 годов сначала на территории Польши, Румынии, Литвы и Латвии, а впоследствии ставших гражданами Западной Украины, Западной Белоруссии, советской Прибалтики и советской Бессарабии, авторы посчитали погибшими дважды: сначала как граждан четырёх восточноевропейских стран и второй раз как новых граждан СССР, не успевших убежать на Восток от стремительно нахлынувших немецких войск. Так что Кожинов не “кажется, поймал” соавторов в приписке, а поймал по-настоящему.

Два с половиной миллиона исчезло у жрецов Холокоста с освенцимской доски, ещё два миллиона благодаря кожиновской дотошности. Что в остатке? Слезы. Бессильные слёзы Павла Поляна.

Кожинов понимал сакральную суть числа 6 миллионов. “Цифра 6 миллионов, – писал он, – имеет, по существу, “символическое значение”, наглядно запечатлённое, например, в созданном в Париже мемориале, где “возложен камень на символической могиле шести миллионов мучеников. Шесть проекторов рассекает тьму над шестью углами шестиугольного камня, то есть звезды Давида” (стр. 316).

Ошибка Полякова и Вуля, кроме В. Кожинова, заметил и адепт истории Холокоста (отнюдь не “отрицатель”) англичанин Д. Рейтлингер, который в книге “Окончательное решение” (1961 г.) предположил, что цифра 4,7 млн погибших ближе к истине, нежели 6 млн. Однако официальная израильская статистика продолжала утверждать, что к 1946 году в Европе уцелело лишь 11 млн (из почти 17) евреев и что к 1967 году (то есть за 20 лет) их стало всего лишь 13,3 млн – то есть прирост составил 2,3 млн. Но если поверить шведской кни-

ге о Холокосте с предисловием Матвиенко, утверждавшей, что нацисты убили во время своего господства 90% еврейских детей Европы, которым в 1939 году было меньше 15 лет, то и этого прироста не должно было быть! Послевоенные два-три десятилетия должны были стать чёрной демографической дырой для европейского еврейства: кому было рожать эти 2,3 млн? Старикам и старухам? Но такое было возможно лишь в ветхозаветные времена, если вспомнить, что у благочестивого Авраама благочестивая, но бесплодная Сара начала рожать детей лишь после своего 70-летнего юбилея.

А дальше и того пуще: как замечает Кожин, в следующее двадцатилетие с 1967 года евреи пережили ещё больший демографический взрыв: “К 1987 году их количество, согласно статистике, достигло 17,9 млн, то есть выросло на 34,5%. Примерно такой же прирост имел место тогда, скажем, в Азербайджане, чьё население с 1969 по 1989 год увеличилось на 37,5%. Но этот прирост смог осуществиться в силу азербайджанской многодетности: в 1984 году около 40% семей Азербайджана имело четырёх и более детей! Вряд ли кто-нибудь будет утверждать, что подобная многодетность присуща еврейскому населению <...> воспроизводство еврейского населения близко к европейскому стандарту, а население Европы за эти 20 лет выросло менее чем на 9%, к тому же частично этот прирост шёл за счёт иммигрантов из других континентов. Итак, прирост евреев за 1967–1986 годы почти на 35% — совершенно неправдоподобное явление; остаётся прийти к выводу, что количество евреев и в 1945 году (11 млн) и в 1967 году (13,3 млн) было очень занижено статистиками, дабы не колебать версию о 6 миллионах погибших. А в 1987 году еврейские статистики сочли уместным (ведь дело уже давнее), да и важным (надо же соплеменникам знать реальное положение) опубликовать подлинную цифру. Но она ясно показывает, что потери составляли не 6 и даже не 4 миллиона” (В. Кожин. “Великое творчество. Великая победа”. М., Воениздат, 1999).

Кстати, этот же неестественный “демографический взрыв” “зафиксировал” главный редактор еврейского журнала “Советише Хаймланд” Арон Вергелис, весьма убедительно клеймивший в 1949 году — в разгар борьбы с космополитизмом — еврейское засилье в литературной жизни. Через 30 лет в книге “16 стран не считая Монако” (“Советский писатель”, 1979 г.) он с удовлетворением писал о своих встречах с евреями Европы и Америки, которые принимали его с распростёртыми объятиями:

“Подсчитано, что десять миллионов евреев, уцелевших после второй мировой войны, превратились в четырнадцать миллионов тридцать восемь тысяч на сегодняшний день”. Этой статистикой (увеличением за 30 лет численности европейского еврейства более чем на 40%) Вергелис подтвердил более позднее предположение Кожина о том, что невозможный для еврейства послевоенный демографический взрыв был следствием того, что потери европейского еврейства во времена Холокоста были сильно преувеличены для того, чтобы вдолбить в сознание современников сакральное число шесть миллионов.

Но вера не нуждается в научных аргументах и доказательствах, а потому еретиков, сомневающих в фундаментальных постулатах Холокоста, надо судить судом Холокостной инквизиции.

Если бы В. Кожин был жив, его бы, согласно недавней резолюции ООН, засудили. За что? Он ведь факта истребления евреев не отрицал? Нет! Но его можно было осудить за выяснение того, что 2 миллиона восточноевропейских евреев были засчитаны в общий холокостный итог дважды. И тем самым он снизил сакральную цифру Холокоста с 6 миллионов до 4-х. А Холокост без шести миллионов — это уже не Холокост, а обычное преступление, каких было много в ХХ веке и особенно в эпоху Второй мировой войны.

А тут ещё и соавтор Поляна по книге Альфред Кох свинью подложил и по легкомыслию фактически согласился с выводами Вадима Валерьевича Кожина: “Как уже отмечалось в начале, демографический анализ количества жертв Холокоста затруднён из-за отсутствия сравнимых данных. Поэтому отрицатели часто обращают внимание (и зачастую справедливо) на то, что во многих классических (?! — **Ст. К.**) работах присутствует двойной счёт, когда одних и тех же людей сначала засчитывают как польские жертвы, а потом как советские.

Причины такого двойственного счёта понятны: переход территории Западной Белоруссии и Западной Украины от Польши к Советскому Союзу делают его практически неизбежным” (стр. 338).

Не сумев опровергнуть выводы Кожина относительно “двойной” бухгалтерии жертв Холокоста при подсчёте потерь восточноевропейского еврейства, Полян срывается на глумливую иронию, называя Кожина *“антисемитом-интеллектуалом, специалистом по кожным болезням русской литературы”*, который якобы в *“своё время назвал Эдуарда Багрицкого не то “прыщом”, не то “жидовским наростом” <...> на чистом теле русской поэзии, но противопоставил ему другого поэта-еврея – Осипа Мандельштама, стихи которого он и впрямь искренне любил”*.

Но Кожин никогда не противопоставлял Багрицкого Мандельштаму. Это сделал я в своей речи на дискуссии “Классика и мы” 21 декабря 1977 г. в Центральном доме литераторов. А “жидовским наростом” на теле Тютчева называл Мандельштама (но отнюдь не Багрицкого) не Вадим Кожин, а Пётр Палиевский, да и то только в несерьёзных разговорах.

Так что чего больше в размышлениях Поляна о Кожине – невежества, литературных сплетен или глумления, не достойного историка, сказать трудно. А в ответ на оскорбительную для памяти Кожина реплику относительно его специализации *“по кожным болезням русской литературы”* я скажу только то, что научная импотенция Поляна для меня тоже медицинский диагноз. Она явственна даже в темах, которые он, *“председатель мандельштамовского общества”*, обязан знать, как никто другой. Но вот что он пишет об Осипе Мандельштаме: *“Гениальный русский поэт Осип Мандельштам, каковы бы ни были мотивы его крещения в 1911 году, ни на секунду не переставал быть евреем”*. Интересно, как бы отнёсся к такому заявлению сам Осип Мандельштам, который писал в “Шуме времени” о своей местечковой жизни в детстве и юности: *“А кругом простирается хаос иудейства, не родина, не дом, не очаг, а именно хаос, незнакомый утробный мир, откуда я вышел, которого боялся, о котором смутно догадывался и бежал, всегда бежал”*. Вот оно, признание честного дезертира. . .

* * *

В 2000 году в старой доброй филосемитской Англии вышла в свет книга Нормана Дж. Финкельштейна “Индустрия Холокоста”. В 2002 году она была переведена на русский язык и переиздана в России.

Норман Финкельштейн – историк, политолог, преподаватель Нью-Йоркского городского университета, родился в 1951 году в семье еврейских эмигрантов из Германии, бывших узников Освенцима, в котором и отец и мать Нормана чудом, но выжили.

“Мои родители вспоминали о своих страданиях только между собой, они не кричали об этом публично, но разве это не лучше, чем нынешняя наглая спекуляция на страданиях евреев. . .”

В своей книге Финкельштейн не старается уличить жрецов Холокоста (как другие ревизионисты) в подтасовке цифр, фактов, свидетельств. Его, в отличие от участников Тегеранской конференции по Холокосту, не интересуют их доказательства того, что столь фантастическое количество жертв было невозможно уничтожить, не оставив следов – без гигантского бюрократически-документального обеспечения, без немецкого канцелярского “орднунга”, без стенограмм, приказов, без финансовых бумаг и штатных назначений в лагерных администрациях. Он не хочет распутывать противоречивый клубок свидетельств того, как уничтожались несчастные евреи – *“горячим паром”* или *“электрошоком”*, *“негашёной известью”* или *“выхлопными газами”*. Он не соблазняется лежащей на поверхности возможностью объяснить, что технически умертвить такое количество людей в лагерных камерах смерти за время, отпущенное на эти операции, по доказательствам ревизионистов, было невозможным делом.

Его интересует лишь одно – идеология, цели и механизм создания гигантской индустрии Холокоста, могучий феномен возведения “холокостной империи” всего лишь за тридцать–сорок лет второй половины XX века.

Печальный сарказм автора при виде тотального бизнес-мошенничества, которое движет индустрию Холокоста, – основное чувство, пронизывающее всю книгу от начала до конца.

“Пережившие Холокост утверждают, будто в Освенциме на них ставил опыты Иозеф Менгеле” (стр. 57).

“Он считает себя пережившим Холокост, потому что его бабушка погибла в Освенциме” (стр. 58).

“Бюро израильского премьер-министра Нетаньяху насчитывает почти миллион “переживших Холокост”, которые живы” (стр. 58).

“Ещё одно заклинание индустрии Холокоста гласит, что при требованиях возмещения ущерба <...> речь идёт о правде и справедливости, а не о деньгах. Швейцарцы острят по этому поводу, что речь идёт не о деньгах, а о том, чтобы получить больше денег” (стр. 71).

“Послевоенное правительство ФРГ изъявило готовность возместить ущерб лишь тем евреям, которые были в гетто или в лагерях. Поэтому многие евреи придумали себе соответствующее прошлое. – Если каждый, кто утверждает, что пережил лагерь, говорит правду, – восклицала часто моя мать, – то кого же тогда Гитлер уничтожил?” (стр. 57).

“Если верить индустрии Холокоста, сегодня живёт больше евреев, использовавшихся на принудительных работах, чем полвека назад” (стр. 89).

“Российские евреи, которые ранее бежали от нацистов или служили в Красной Армии, выдают себя теперь за переживших Холокост, поскольку, если бы они попали в плен, их ждали бы пытки и смерть” (стр. 110).

“Можно в ещё более широком смысле говорить о втором и даже о третьем поколении переживших Холокост, потому что они “может быть, страдают психическими заболеваниями” (стр. 111).

Вот так с печалью, а порой с презрением высмеивает честный историк мошенников от Холокоста... Масштабы “холокостной инфекции” в Америке, по свидетельству автора, потрясающи:

“Дни памяти Холокоста – события национального значения. Все 50 штатов проводят такие мероприятия часто в своих парламентах, Объединение организаций, занимающихся Холокостом, руководит в США более чем сотней посвящённых ему учреждений. Семь больших музеев Холокоста разбросаны по всей Америке, главный из них – в Вашингтоне” (стр. 531)¹.

Кстати, чтобы никакие другие народы и думать не смели поставить рядом с Холокостом свои геноциды, трагедии и катастрофы – об этом жрецы Холокоста заботятся неусыпно, ибо денег на компенсацию всем в мире не хватает: “По требованию Израиля американский Совет по Холокосту позаботился о том, чтобы армяне практически не упоминались в вашингтонском музее памяти Холокоста, и еврейские лоббисты в Конгрессе воспрепятствовали установлению дня памяти армянского геноцида” (стр. 52).

Когда в Америке возник вопрос о том, что в связи с организацией музея Холокоста надо бы вспомнить и о тотальном уничтожении гитлеровцами европейских цыган, то один из жрецов рабби Сеймур Зигель заявил: “Нужно, чтобы сначала был каким-то образом признан народ цыган, если такой вообще есть” (стр. 55).

Когда в одном из американских изданий появился памфлет, пародийно озаглавленный: “Майкл Джексон и ещё 60 миллионов человек погибли в ядерном Холокосте”, главный идеолог Холокоста Эли Визель впал в истерику: “Кто посмел назвать происшедшее вчера Холокостом? Был только один Холокост!” (стр. 37).

“Тезис об уникальности Холокоста отстаивается с помощью настоящего “интеллектуального терроризма”, – продолжает Финкельштейн. – Сочувствие сотням тысяч немцев, погибших при бомбардировке Дрездена, приравнивается к “отрицанию Холокоста”. Тема геноцида армян считается “табу” – армяне не должны конкурировать с евреями, евреи – единственные мученики в истории. Даже нынешний министр иностранных дел Израиля Ш. Перес подвергается порицанию за то, что однажды поставил на один уровень Холокост и Хиросиму: как можно сравнивать каких-то японцев с евреями!” (стр. 127).

Одной из причин “извечного антисемитизма” жрецы Холокоста считают зависть других народов к евреям. Норман Финкельштейн не отказывает себе в удовольствии поиздеваться над этой “логикой”:

“Признание геноцида цыган означало бы потерю исключительной еврейской лицензии на Холокост, что соответственно повлекло бы за собой потерю

¹ Из газеты “Форум”, № 233, апрель 2009 г.: “Бывший президент США Билл Клинтон откроет в штате Иллинойс новый музей Холокоста и еврейский образовательный центр”. Так что процесс продолжается.

еврейского “морального капитала”... Если нацисты преследовали цыган так же, как евреев, рушится догма, согласно которой Холокост был кульминационной тысячелетней ненависти неевреев к евреям. И если зависть неевреев к евреям привела к геноциду евреев, то, может быть, к геноциду цыган привела зависть к цыганам?” (стр. 56).

“С помощью сказок о Холокосте одну из самых сильных в военном смысле держав мира с чудовищными нарушениями прав человека, — пишет Финкельштейн, имея в виду Израиль, — представляют потенциальной жертвой, а самую преуспевающую в США этническую группу — несчастными беженцами”.

Финкельштейн, вся родня которого, кроме отца и матери, погибли от рук нацистов, вскрывает изнанку холокостной индустрии. Его мать, пережившая Варшавское гетто и Освенцим, получила мизерную компенсацию за все свои страдания — всего-навсего 3 500 долларов, в то время как “годовой оклад Саула Кагана, бывшего первого секретаря конференции по притязаниям — 105 000 долларов”, “Иглбергер получает как председатель международной Комиссии по страховым притязаниям времён Холокоста 300 тыс. долларов в год”, “то, что моя мать получает за шесть лет страданий при нацистах, Каган получает за 12 дней, Иглбергер за 4 дня, а Д’Амато за 10 часов” (стр. 62).

После Германии, как пишет Финкельштейн, жрецы Холокоста в 90-х годах XX века собрали дань со Швейцарии за то, что она не принимала во время войны еврейских беженцев; сейчас начинается давление на Польшу, чтобы вернуть “еврейскому народу” имущество довоенных евреев или его стоимость. Составлен план ограбления Австрии, а в проекте — предъявление претензий к Белоруссии, которая, по мнению вымогателей от Холокоста, “очень сильно отстаёт с возвратом довоенной еврейской собственности” (стр. 93). Вот из каких поборов образуются фантастические оклады верхову руководства “Конференции по притязаниям” и остальной жреческой прослойки. Бедные еврейские овцы! Это о вас сын освенцимских узников Норман Финкельштейн с отчаянием пишет в своей книге, что про Холокост в семье “больно было вспоминать, по общему убеждению, евреи шли на смерть, как бараны, и за это было стыдно”. А вот фраза, ставшая чуть ли не историческим афоризмом: “еврейская кровь — хорошая смазка для колёс еврейского национального государства”.

Это сказал один из высших жрецов современного синедриона и опубликовал антисионист, честный американский раввин Шенфильд в своей книге “Жертвы уничтожения обвиняют” (Нью-Йорк, 1970 г.).

Гремучая смесь из крови, слёз, молитв и пепла от несчастных “сухих ветвей”, отданных на уничтожение фарисеями в сговоре с пилатами нацизма, вошла в фундамент Израиля. Поистине “дело прочно, когда под ним струится кровь”. И сегодня эта смесь второй раз стала разменной монетой в руках нового поколения жрецов Холокоста. Вырастают офисы, плодятся, как грибы, фонды, “комитеты по имуществу” и “комиссии по притязаниям”, утверждаются бюджеты, сочиняются школьные программы и учебники по Холокосту для простодушных и мягкосердечных гоев. История пошла по второму кругу. Мало им было создания государства на земле ни сном, ни духом неповинных палестинцев, нет, ещё раз решили обобратить европейцев. Деньги не пахнут? Пахнут. Истлевшей кровью, фарисейством, провокациями мирового масштаба. И Норман Финкельштейн пишет в эпилоге своей книги: “Холокост ещё имеет шанс прослыть величайшим грабежом в истории человечества”. Это вы, овцы израильтяне, в убогой пермской квартирке Нины Горлановой тряслись, как осенние листья, в ожидании погромов в то время, когда опричники абрамовичей и ходорковских скупали на российских толкучках ваши жалкие ваучеры, изобретённые Найшулем и Чубайсом. А в это время бедная хозяйка пермской квартиры исходила ненавистью к советской власти за слухи о погромах и за страдания несчастных котят, которых пермские сталевары якобы швыряли в геенну огненную.

Но всё равно не получится из Холокоста новой религии. Все великие религии возникают и утверждаются на сознательном и потому благодатном самопожертвовании своих пророков и основателей. Христос знал, на что он идёт во имя спасения человечества, его апостолы и первые христиане-мученики знали, что их ждёт, идя на распятие, в темницы, на арену Колизея. Они были людьми истинной веры.

Да, “дело прочно, когда под ним струится кровь”, но — своя, а не чужая.

Пастырь, пастух Христос первым принёс в жертву себя, свою кровь и плоть, а не кровь своего стада, которую он отнюдь не рассматривал, как “смазку для христианства”.

А вейцманы, бен-гурионы и кастнеры приносили в жертву не свою, а овечью кровь бессловесной отары, не понимавшей, за что и куда её гонят.

Видимо, осознав это, нынешнее поколение жрецов внесло совсем недавно некоторые поправки в “священное писание” Холокоста:

“Если первоначально в формулировке “День катастрофы и героизма” под героизмом понималось участие евреев в воюющих армиях, в подполье и в партизанских отрядах, то сейчас под понятием “героизм” понимается и пассивное сопротивление евреев в гетто и само стремление выжить и остаться евреями”¹.

Такова новая идеология “овечьего героизма”.

* * *

Но почему всё-таки жрецы Холокоста так судорожно цепляются за “6 миллионов”?

Государству Израиль если что-то и грозит, то эти угрозы совершенно не связаны с тем, сколько евреев было убито в гитлеровской Европе.

Один миллион или одиннадцать – для сегодняшней реальной политической жизни не имеет решающего значения. Так же, как Америку уже невозможно наказать за то, что, пользуясь лживым предлогом о “наличии у Саддама Хуссейна оружия массового уничтожения”, она вторглась за десятки тысяч километров от своих границ в суверенную исламскую страну, уничтожила государство Ирак, что из-за этого вторжения и предшествующей блокады в Ираке погибли сотни тысяч детей, сотни тысяч граждан, что из-за вторжения америкосов в Ираке вспыхнула религиозная гражданская самоубийственная война... Шиильской и суннитской кровью залита земля древнейшей мировой цивилизации. Но всё равно мы никогда не увидим, ни в каком гаагском трибунале, где погиб Милошевич, где ждёт своей смерти патриот Сербии Радован Караджич, ни Буша, ни Рамсфелда, ни Кондолизу Райс. Они, эти военные преступники мирового масштаба, защищены до конца жизни всей военной, политической и экономической мощью Америки.

Так же, как защищены все израильские государственные террористы – Бегин, Шарон, Шамир... Мы своих военных офицеров – Буданова, Ульмана – за одну или несколько жизней якобы мирных жителей судим без колебаний, а Бегин в мирное время вырезал палестинскую деревню Деир-Ясин под корень. 254 трупа, включая стариков, женщин и детей, – и что же? Стал премьер-министром. Вот разница между чадами Христа и детьми Иеговы. “Без Деир-Ясина не было бы Израиля” – эта фраза стала чуть ли не политической поговоркой в устах отцов-основателей сионистского государства. Но пролитая кровь арабской беззащитной общины есть вечный первородный грех Израиля, от которого ему никогда не отмыться. Но не паникуйте. Если даже будет доказана когда-нибудь несостоятельность священного шестимиллионника – государство Израиль не рухнет. Уже не в цифрах дело. Цифра была нужна в 1947 году. А сейчас она – зачем?

(Продолжение следует)

¹ Из выступления посла государства Израиль Анны Азари на вечере памяти евреев – жертв нацизма и героев сопротивления. 15.4.2007 в ЦДЛ, г. Москва, бюллетень Холокост № 2, 2007 г.